

Афодия ОЗАРЯ ЕДНАЯ

ПАУК
ПРИГЛАШАЕТ
НА ТАНЕЦ

Annotation

Юная Аэнора Кармель, наделенная исключительным магическим даром, нанимается гувернанткой в замок скандально известного графа. Ее новый хозяин столь же неотразим, сколь и опасен, а его окутанный туманами замок больше похож на мрачную шкатулку, полную секретов. Очень скоро девушке придется испытать на себе опасное обаяние нового хозяина и гибельность чар его ревливой супруги. Сумеет ли Аэнора распутать сложный клубок темных интриг обитателей замка, раскрыть ужасное преступление, произошедшее в этих зловещих стенах, и найти настоящую любовь?..

Варя Медная

Паук приглашает на танец

Посвящается моему любимому сказочнику

Глава

Я в последний раз оправила пелерину и стукнула бронзовым кольцом, висевшим в пасти льва, о дверь. Механизм немедленно пришёл в действие: искусно вырезанные глаза вспыхнули красным, изваяние взмахнуло металлическими кольцами гривы, и утробный рык оповестил хозяев о моём прибытии. Я всегда стараюсь оставаться незаметной, поэтому столь громогласное извещение меня немало смутило. В голове даже мелькнула мысль вернуться обратно в экипаж и отбыть восвояси. Но я тут же отбросила её, тем более что, в любом случае, было уже поздно: в холле послышались шаги, а через секунду дверь отворилась.

На пороге показался высокий старик. Надменный взгляд, которым он меня одарил, бравая выправка, а главное, маниакально выглаженная форма указывали на то, что передо мной дворецкий. Волосы пожилого джентльмена были совершенно белыми, без единого намека на былой цвет, как будто он сунул голову в мешок с мукой, прежде чем открыть мне дверь.

— Мисс Аэнора Кармель?

— Да, сэр, — пискнула я.

Ещё с минуту старик рассматривал меня своими бледными, похожими на грязную речную воду глазами, видимо, раздумывая, не захлопнуть ли перед моим носом дверь, а потом посторонился.

— Добро пожаловать в Ашерраден.

Я подхватила свой саквояж и скользнула внутрь. Дверь за моей спиной закрылась со звуком захлопнувшейся ловушки.

Мальчишка-лакей тут же бросился ко мне, чтобы принять поклажу.

— Остальные вещи придут позже, мисс? Ярик, — дворецкий кивнул на мальчишку, — заберёт их завтра на станции.

— Благодарю, сэр, но это всё. Весь мой багаж при мне.

Белёные брови, взлетевшие вверх после этих слов, явно свидетельствовали о том, что мой авторитет в его глазах упал ещё ниже.

— И вам хватит этого, — пренебрежительный кивок в сторону моего потертого саквояжа, — чтобы учить детей его сиятельства всем необходимым премудростям?

— Несомненно, сэр.

— Что ж, тогда у вас ещё есть время, чтобы обустроиться и привести себя в порядок. Ужин накроют ровно в восемь. Ярик, проводи мисс Кармель в её комнату.

— Да, мистер Бернис.

Мальчишка зачастил вверх по лестнице, и я поспешила за ним.

— Мистер Бернис не так страшен, как кажется на первый взгляд, мисс Кармель, просто строг. Любит, чтобы всё было на своих местах, потому что человек принадлежит месту, как он любит повторять, а не место человеку. Ну, то есть это, конечно, не касается высокородных господ, которые никому не принадлежат, кроме самих себя и его императорского величества.

Пока мальчишка тараторил, я вертела головой, оглядываясь по сторонам. Но парадная лестница и лабиринты коридоров, по которым он меня вёл, были освещены столь скудно, что это наталкивало на мысль о глазной болезни хозяев либо же об их чрезмерной экономии. А для успешного выполнения дела, ради которого я сюда прибыла, мне требовалось как можно скорее изучить здесь каждый закуток, угол и щель величиною с горошину. Тяжёлый канделябр, который нёс в руках Ярик, освещал лишь ограниченную область вокруг нас. Шесть огоньков, вделанных в витое латунное основание, попеременно выхватывали из темноты то резные дубовые перила, то портреты в основательных рамах, то закрытые двери по обе стороны от нас. В замке стояла полная тишина.

Наконец мы ступили в коридор третьего этажа.

— Ты не против, Ярик?

Я нагнулась и легонько коснулась дорожки. Серебристо-синие струи растеклись от моих пальцев по ковровому узору, понеслись вперёд, переплетаясь и освещая нам путь. Под ногами расцвела пышная мерцающая лоза.

— Ух ты!

Признаться, искреннее восхищение, засквозившее в его голосе, мне польстило. Простейшая вещь, а мальчишка смотрит на меня так, будто я только что приспособила солнце в качестве прикроватного ночника.

Он нагнулся и потянулся к ближайшему переливающемуся голубым завитку, но в последний момент отдернул пальцы и неуверенно поглядел на меня.

— Не бойся, это свет, а не пламя, ты не обожжёшься, — догадалась я о его опасениях.

Мальчишка радостно потыкал ковёр и восхищенно присвистнул.

— А меня вы бы... — начал было он, но тут же осекся и сконфуженно умолк.

Я поняла как вопрос, так и причину его смущения. Кастовость нашего общества несправедлива. Как и сама жизнь в целом. Увы, помочь ему тут я ничем не могла.

— Вот мы и пришли, — преувеличенно бодро возвестил мой провожатый минуту спустя и распахнул передо мной дверь.

Прежде чем войти, я осторожно затушила туфелькой голубые струи.

В комнате уютно трещал камин, а на стене горел светильник. К тому же наконец выглянула луна, упорно прятавшаяся за тучами всю мою дорогу до замка, так что я смогла беспрепятственно осмотреть место, в котором мне предстояло остановиться на неопределённый срок: до тех пор, пока не выполню свою миссию либо же пока меня не поймают... Но я уже дала себе обещание не думать об этом.

Стены комнаты были обшиты светлым кремовым полотном в мелкий синий цветочек, с потолка свешивалась люстра в виде полногрудой морской девы, трубящей в рог (не иначе как оберег от злых духов), а брошенный перед камином коврик своей повышенной ворсистостью смутно напоминал длинношёрстную борзую. Из мебели имелась узкая деревянная кровать, наподобие той, что была в интернате, круглый столик, ширма и ореховый комод, над которым висело зеркало. Единственное окно располагалось в каменной нише и прикрывалось тяжёлыми бархатными занавесками, оканчивавшимися золотыми кисточками.

Я на секунду оторопела при мысли о том, что буду здесь жить. Эта комната целиком моя! Из оцепенения меня вывел громкий стук: юный Ярик торжественно водрузил мой саквояж в центр комнаты.

— Вам ещё что-нибудь нужно, мисс?

— Спасибо, Ярик, больше ничего. Постой, который час?

Лакей открыл рот и исторг глухой металлический звон — по крайней мере, так мне показалось в первый миг, а потом я сообразила, что звук раздался откуда-то снизу.

Ярик прислушался и, не раздумывая, выпалил:

— Ровно половина восьмого.

— Значит, у меня есть ещё полчаса. Как мне найти обеденную залу?

— Вы не заблудитесь, мисс, — хмыкнул мальчишка. — Ой, мне пора.

Он начал нервно расчёсывать руку под манжетой, будто почувствовал внезапный приступ аллергии, и поспешно выбежал из комнаты.

Оставшись одна, я быстро распаковала саквояж. Хватило пары минут и одного ящика комода, чтобы разложить мой скромный гардероб. Книги я выстроила в оконной нише, на широком подоконнике. В ненастную погоду на такой приятно забираться и прятаться ото всех с любимым томиком в руках. Впрочем, о чём это я?

Спохватившись, что времени до ужина осталось совсем мало, я принялась за свой внешний вид: переделалась в положенное нам по статусу тёмно-малиновое платье со скромным воротничком, ополоснула лицо из кувшина с водой, распустила и смочила волосы — по-другому с ними никак. Следующие четверть часа я отчаянно боролась с колтунами, рискуя остаться вовсе без волос. Промелькнула даже мысль воспользоваться служебным положением. Совсем чуть-чуть, и волосок ляжет к волоску. Я почувствовала, как налились и зазудели кончики пальцев, но всё-таки сдержалась: если светящуюся ковровую дорожку ещё можно списать на услугу дому и хозяевам, то шикарная вечерняя причёска в этот перечень, увы, никак не вписывается.

Обидно обладать даром, который можно использовать лишь во благо другим. Но таково положение сословия, к которому я принадлежу. И это, говоря начистоту, не самый худший вариант. Я подумала о таких, как Ярик, для которых магия навсегда останется под запретом, и содрогнулась. Оглядев себя напоследок в зеркало, я осталась не то чтобы довольна, но,

скажем так, удовлетворена и, глубоко вздохнув, отправилась на встречу с новыми хозяевами.

Пока я была в комнате, кто-то зажег настенные светильники, и теперь крошечные язычки пламени танцевали по обе стороны от меня, отчего казалось, что я иду по пылающему тоннелю. Я получила возможность хорошенько рассмотреть роскошную обстановку Ашеррадена. Тут, наверное, одна картинная рама стоит больше, чем моё годовое жалованье. Ярик был прав: заблудиться, ступая по освещенному пути, довольно трудно.

Я была на месте за пять минут до назначенного времени. В обеденной зале помещался стол длиной метров десять, в центре которого стояла ваза с цветами, а рядом — затейливое хрустальное блюдо с фруктами. Откуда-то сверху неслись звуки музыки. Подняв голову, я обнаружила в галерее над входом нескольких музыкантов. Они самозабвенно выводили что-то протяжно-лиричное.

Хозяева, как то и положено важным господам, заставили себя ждать. И я терпеливо дожидалась, наблюдая, как слуги накрывают на стол, и развлекаясь тем, что представляла себе нового работодателя. Я настолько увлеклась этим процессом, что чуть было не пропустила момент его появления.

Граф Ашеррадена, Кенрик Мортленд, оказался высоким худощавым мужчиной лет тридцати с небольшим. Бледное лицо обрамляли черные витые сосульки, а немного крючковатый нос и простой тёмный сюртук делали его похожим на ворона. К тому же его сиятельство хромотал, уродливо выкидывая в сторону правую ногу и тем самым окончательно развенчивая миф о том, что благородная кровь может помещаться лишь в утонченном сосуде.

Увиденное меня удивило, если учитывать скандальную историю его женитьбы, некогда наделавшую столько шума при дворе.

— Милорд, позвольте представиться. Меня зовут Аэнора Кармель, и я прибыла сюда, чтобы учить ваших детей основам придворной магии и этикета.

Граф дернулся и изумленно воззрился на меня, как если бы с ним только что заговорило кресло, и не просто заговорило: оскорбило. Его лицо пересекла судорога, черные глаза под лохматыми бровями-гусеницами злобно вспыхнули.

— Какая приятная и неожиданная новость, Равен! — раздался позади меня холодный язвительный голос. — Оказывается, ты втайне от нас обзавелся миссис Фарроуч, да ещё и целым выводком в придачу. Мои поздравления, но даже не рассчитывай, что отпишу тебе Ашерраден в качестве свадебного подарка.

Я резко развернулась и увидела в дверях высокого ладного джентльмена, чуть помоложе первого, который только что произнёс эту фразу. Его рот был изогнут в полуулыбке, но вот невыносимо пронзительные голубые глаза — будто кто-то сунул ему в глазницы по топазу — оставались холодными. Холеное лицо, ленивые движения, небрежный тон, а главное, перекошенное от ужаса лицо мистера Берниса за его плечом (у старика разве что пена изо рта не шла. Надеюсь, его не хватит удар) явно свидетельствовали о моей ошибке.

— Мисс Карррмель, — прорычал старик, — позвольте представить вам будущего хозяина, графа Ашеррадена.

Вот теперь всё встало на свои места. Саркастичный граф был не просто хорош собой, а убийственно хорош. И дело даже не в правильности лица (широкие скулы и слишком полные для мужчины губы помешали ему попасть в ряды канонических красавцев), а в каком-то сочетании ленивой холодности и сдерживаемого напряжения. Отчего-то я сразу поняла

значение слова «порочный», которым пестрели страницы романа, что я сейчас читала.

— Простите мою ошибку, милорд, — присела я в учтивом поклоне.

— Надеюсь, *моих* детей вы научите отличать графа от камердинера.

При этих словах бледное лицо слуги, которого я поначалу приняла за графа, пошло бурыми пятнами. Всего-то час на новом месте, а уже успела обзавестись недоброжелателем. Делаю успехи.

— Да, милорд.

Граф прошёл мимо меня и уселся с правого конца стола, закинув ногу на ногу. Мне он присесть не предложил.

— Подойдите ближе.

Я сделала, как он велел.

— Сколько вам лет?

— Двадцать, милорд.

Он вскинул брови.

— И уже определены в дом графа. Будем надеяться, вы продержитесь дольше, чем ваши предшественницы.

При этих словах мои пальцы непроизвольно сжались, но он, кажется, не заметил.

— Я привезла с собой рекомендательные письма.

Я протянула ему документы. Граф, даже не взглянув, передал их через плечо мистеру Фарроучу.

— Проверишь, всё ли на месте.

Тот хмуро вскрыл конверт ножом для фруктов и внимательно пробежал глазами написанное. Пока он вчитывался, граф бесцеремонно меня разглядывал.

— Вам придётся сменить платье.

— Простите, милорд? — щеки у меня против воли вспыхнули, затмив своей расцветкой платье.

— Фабиана не любит, когда слуги одеваются в кричащие тона. А у вас к тому же ещё и волосы неудобного цвета. Остригать вас не станут, но вот рыжий с малиновым — это уже перебор.

— Благодарю за заботу, любовь моя, — раздался за моей спиной глубокий завораживающий голос, заставивший сердце трепетать.

В залу вошла высокая стройная женщина лет двадцати шести. И если совсем недавно мне показалось, что граф хорош собой, то на её фоне он показался жалким уродцем (пусть это и не принято — сравнивать мужчин и женщин). Две толстые черные косы, перевитые золотыми лентами, спускались по точеным плечам и в районе лопаток сливались в одну. Казалось, именно их тяжесть заставляла красавицу держать спину так прямо, а подбородок — высоко поднятым. Шелковое платье глубокого синего цвета — под стать глазам супруга — выгодно подчеркивало все изгибы её фигуры, похожей на дивный музыкальный инструмент. Руки были по локоть закрыты перчатками, а в ложбинке между высокими грудями мерцала подвеска в виде сиреневой капельки.

Теперь стало ясно, почему хозяйка замка предпочитает, чтобы слуги одевались неброско. Но она зря беспокоилась: в её присутствии никому бы и в голову не пришло смотреть на кого-то другого. Это подтверждалось реакцией мужчин. Если бы взглядом можно было есть, передо мной бы уже лежали чисто обглоданные косточки. Даже угрюмый мистер Фарроуч, казалось, нехотя, но всё же смотрел на неё.

Когда последние вибрации её голоса затихли, мужчины стряхнули оцепенение. Граф, мгновение назад с обожанием смотревший на супругу, метнул в неё раздраженный взгляд.

— Леди Фабиана Мортленд, как всегда, прекрасна и, как всегда, не умеет держать язык за зубами.

Не удостоив меня даже взглядом и проигнорировав грубость супруга, красавица проплыла к своему месту на левом конце стола. Вокруг неё тут же засуетились слуги, поправляя и так идеально выстроенные столовые приборы. Было забавно наблюдать за семейной парой, делившей ужин за одним столом на расстоянии десяти метров друг от друга. Семейную идиллию довершали цветочная ваза и блюдо с фруктами, напрочь отгораживавшие графа и графиню друг от друга.

Я вдруг сообразила, что стол накрыт всего на две персоны. Очевидно, приглашение на ужин не подразумевало, что я тоже буду есть. В желудке предательски заурчало.

— Пожалуй, серый вам больше пойдёт, — сказала графиня, не глядя в мою сторону и изящно отправляя кусочек жаркого себе в рот, — но, в память о наряде, я буду называть вас малиновкой, вы ведь не против?

— Не против, если вам так нравится, миледи.

— Это, знаете ли, такая невзрачная серая птичка с рыжими горлом и грудью, живущая в кустах.

— Знаю, миледи.

Я понимала, что оскорбительный вопрос не требовал ответа, но не смогла удержаться.

Графиня, впервые с момента своего появления, посмотрела на меня. Окинув насмешливым взглядом мою невысокую фигуру и задержавшись на причёске, она недобро усмехнулась и отправила в рот следующий кусочек.

Я перевела глаза на графа и удивилась: его губы вдруг снова тронула блаженная улыбка, а в следующую секунду лицо перекошилось от едва сдерживаемой ярости. Я с недоумением наблюдала за богатой гаммой эмоций: обожание, ненависть, восхищение и раздражение быстро сменяли друг друга. И тут меня осенило: так вот как проявляются особенности графини! Следовало догадаться с самого начала.

— Ну, так что же, продемонстрируйте нам ваши... — рука графини описала в воздухе неопределённую фигуру, — способности.

— Фабиана... — рыкнул граф.

— А что? — она невинно захлопала ресницами. — Или ты считаешь, что я доверю своих детей зеленой, ах, простите, рыжей выпускнице? От её квалификации зависит будущее моих детей при дворе.

— Ты же обещала быть *немногословной*.

— Может, приказать принести нитки, чтобы вы могли лично зашить мне рот, граф?

Меня разрывало от двойственного чувства в отношении графини. С одной стороны, эта высокомерная особа меня чрезвычайно раздражала, а с другой — стоило ей заговорить, и со мной начинало твориться нечто необъяснимое. Осмелюсь предположить, что на мужчин это действовало несколько иначе и, несомненно, более сильно, но даже я это чувствовала. Казалось, меня обволакивает какой-то счастливой негой и уносит, приподнимает в блаженной невесомости. Хотелось, чтобы она говорила и говорила, не переставая, не важно какие колкости. От её волнующего глубокого голоса даже по ушам бежали мурашки. Я опомнилась и осадилась себя. Надо будет почитать на соответствующую тему. Мне вовсе не нравилось подобное подчинение моей воли. Теперь понятно: у графа просто не было против

неё шансов. Ни у одного мужчины не было.

— Равен, — мягкий голос, несомненно, был призван позлить супруга ещё больше, — приведи Эрселлу и Микаэля. Наверняка их общество порадует графа куда больше моего.

— Да, миледи.

Камердинер, который всё это время стоял, нахохлившись, позади графа, заковылял к выходу. Она могла бы поручить это любому из слуг, но послала за детьми калеку. Проводив насмешливым взглядом его неловкую фигуру, графиня снова повернулась к мужу.

— Как видишь, я сегодня кроткая, как овечка.

Следующие минут десять, пока мы ждали (точнее, я ждала, а господа ужинали), леди Фабиана изображала интерес к моей персоне.

— Так, вы, значит, сиротка?

— У меня есть родители, миледи.

— Но вы ведь воспитывались в интернате?

— Таковы правила, миледи.

— Значит, вы их не видели... фактически с рождения?

— Да, миледи.

— Так, возможно, они давно умерли?

— Мне это неизвестно, миледи.

— А вы так болезненно худы по природе, или вас там дурно кормили?

— С нами хорошо обращались, миледи.

— Как вы находите моего супруга?

— Простите, миледи?

— Он ведь красив, не правда ли? Вряд ли вы видели таких в своём интернате.

— Там раздельное обучение, миледи.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Я почувствовала, как щеки начинают гореть, и перевела взгляд на графа в надежде на помощь, но наткнулась лишь на холодное любопытство. Так мальчишки смотрят на растянутого на камне лягушонка.

От необходимости отвечать меня избавил вернувшийся камердинер. Он вел за собой мальчика лет девяти и девчушку года на два младше. Лицо наследника было неприятно рыхлым и напоминало творожный пудинг. Глубоко посаженные глаза-изюмины лишь усиливали это сходство. Под тонкой просвечивающей кожей ветвились синие прожилки. Но по надменности он не уступал матери. Девчушка же была просто загляденье: темные кудряшки и фарфоровое личико, ласковые глаза цвета каштанового меда. Пожалуй, только руки слегка длинноваты.

— Микаэль, подите-ка сюда.

Мальчишка подчинился матери, но я видела, как при этом его плечи передёрнулись. Ему уже сейчас явно не нравилось следовать чьим бы то ни было приказам. Из него выйдет идеальный наследник.

Леди Фабиана смочила краешек салфетки в графине с водой и стёрла с его щеки невидимое пятнышко.

— Где вы так вымазались?

Голос строгий, но я поняла, что это лишь видимость. На деле же она искала предлог, чтобы приласкать сына. Видимо, для проявления чувств в этой семье нуждались в предлогах.

— Маменька!

Мальчишка тут же вырвался и отступил назад, пытаясь сохранять достоинство. Графиня не стала настаивать.

— Леди Эрселла, виконт Микаэль, — как ни в чём не бывало продолжила она, — позвольте представить вашу новую гувернантку, мисс...

— Аэнора Кармель, — подсказала я.

— ...мисс Аэнору Кармель.

— А как же Мэтти? — глаза девчушки наполнились слезами, верхняя губа задрожала.

— Забудьте про Мэтти.

— Но почему?

— Она больше не придёт.

— Почему?

— Потому что она знала, что её уход всех порадует. А Мэтти очень любила дарить радость...

— Ну, хватит, — раздражённо оборвал супругу граф и повернулся к детям, — и прекратите задавать глупые вопросы. Теперь у вас есть мисс Кармель. Так, покажите, что вас хоть чему-то научили, поприветствуйте её как полагается.

После тирады отца виконт церемонно мне кивнул. Леди Эрселла последовала примеру брата, но тут же расплылась в широкой улыбке, обнажив при этом два ряда мелких острых зубов гнилостно-табачного оттенка. Я прекрасно понимала, что леди Эрселла не курит табак. Тут мой взгляд упал на её руки, и я заметила то, что упустила прежде: маленькие пальчики заканчивались не аккуратными детскими ноготками, а чем-то, смутно напоминавшим плотные бурые чешуйки, заострённые книзу, наподобие звериных коготков. Я впервые столкнулась с детьми от кровосмесительных браков, а потому моё замешательство вполне объяснимо.

— На что это вы уставились, мисс Кармель? — прервал затянувшуюся паузу граф. — Или у моей дочери петрушка в зубах застряла?

— Нет... прошу прощения, милорд.

— Вы не хотите ответить любезностью на любезность?

Я сделала запоздалый книксен и улыбнулась будущим воспитанникам.

— Приветствую вас, леди Эрселла, виконт Микаэль.

— Чудно, — резюмировала графиня. — Ну а теперь поразите нас своими талантами.

Последнее слово было произнесено драматическим шепотом. Сделав вид, что не заметила издевки, я приблизилась к новым подопечным.

— Вот, допустим, обратится к вам, леди Эрселла, её императорское величество, недовольная своей причёской. А вы сделаете вот так... — я легонько дотронулась до ореховой пряди девочки, и упругая кудряшка сложилась замысловатым цветком, — ...и её величество снова придёт в хорошее расположение духа, увидев, как преобразилась.

Девочка восторженно взвизгнула и захлопала в ладоши.

— Ещё! Покажите ещё, мисс Кармель!

— Леди Эрселла, ведите себя сообразно положению, — одёрнула её мать, и та тут же сникла.

Признаться, улыбаться девочке и правда следовало пореже, если хочет в будущем найти себе мужа. Но я, кажется, начинала привыкать к её необычной внешности. В конце концов, передо мной всего лишь дитя, не виноватое в прегрешениях родителей.

— Ну, или попросит его императорское величество вот вас, виконт, написать от его

имени письмо. Но каждый пишет со свойственным ему одному наклоном руки и росчерком, и любой другой на вашем месте растерялся бы. Любой, но только не вы. Вы поступите следующим образом... — за неимением пера и чернил, я легонько дотронулась до окаймлявшего скатерть узора из контрастных зеленых ниток. Изумрудная змейка послушно проследовала за моими пальцами и легла на белоснежную скатерть внушительным вензелем, в котором угадывались инициалы монаршей особы, — ...и выполните приказ. А для этого вам всего-то и нужно, что один раз воочию увидеть, как его величество пишет, чтобы получить образец почерка.

Я видела, что мальчишка, против воли, впечатлен.

— Что ж, фокусы вы и впрямь умеете показывать, — подала голос графиня. — Ваши предшественницы были менее талантливы... по крайней мере, по этой части. Насколько я понимаю, вам подчиняются вещества?

— Да, миледи.

— И как это работает?

— Мне и самой до конца неизвестно, миледи, — это была чистая правда, — просто при определённой концентрации я могу извлекать энергию из материала и направлять её в нужное русло, так что вещество перестраивается согласно моей воле.

— И что же, концентрация и всё? И уже завтра каждый, ну, или почти каждый сможет пойти сворачивать горы?

Тут она, конечно, преувеличивала. Таких, как я, с полноценной искрой, рождается не так уж и много.

— Не совсем, миледи. Я училась управлять даром много лет.

Я с удивлением поняла, что графиня заинтригована, хоть и пытается скрыть это за небрежностью тона.

— А вы смогли бы, к примеру, превратить вот эту воду, — она плеснула в бокал из хрустального графина и подтолкнула его ко мне, — в вино?

— Простите, для моей супруги это весьма болезненный вопрос, — встрял граф.

Я приложила немалое усилие, чтобы сдержать улыбку.

— Нет, миледи. Мне подчиняется только твердая материя.

— А обрушить люстру на голову моего супруга?

— Этого я тоже не могу — мне нужно соприкасаться непосредственно с материалом, а потолки в Ашеррадене слишком высоки.

— Значит, к воде и воздуху вы отношения не имеете?

— Нет, миледи. Водные и эфемерные вещества вне сферы моей компетенции. К тому же я могу лишь использовать заложенную в материи энергию и составляющие её частицы, но не могу получать нечто совершенно отличное. К примеру, мне под силу высечь из дерева скульптуру, пусть и неумело, но я не в состоянии сделать её каменной.

Азарт в глазах графини явно поутих.

— Но вы сможете научить тому, что умеете, моих детей?

— Я раскрою искру каждого из них настолько, насколько это будет в моих силах. Но, как широк диапазон, я смогу понять, лишь проэкзаменовав их.

Тут я покривила душой: я не собиралась задерживаться в Ашеррадене так долго.

— Что ж, завтра же этим и займётесь. Беула!

Графиня позвонила в серебряный колокольчик, и через минуту в залу, почесывая руку, вбежала полнощекая девушка в чепце и с простым открытым лицом. Я поняла, что передо

мною нянечка.

— Леди и виконту уже пора укладываться. Почитай им перед сном.

— Да, миледи.

— И принеси бриошей со сливочным кремом, — повелительно добавил виконт.

— Негоже на ночь глядя масляными булками баловаться, милорд. Оно их лучше будет с утречка, к чаю: так и для животика, и для настроения полезнее.

— И ты ещё будешь указывать своему хозяину? — лицо леди Фабианы потемнело. — Отведёшь господ наверх и немедленно принесёшь бриошей, как и велел виконт.

— Д-да, миледи, простите, миледи.

Служанка посерела, а на лице виконта появилась торжествующая улыбка. Он холодно отказался от предложенной руки и, вздёрнув подбородок, направился во главе процессии из зала. Девочка охотно взяла нянечку за руку, напоследок одарив меня своей незабываемой улыбкой.

— Мы слишком балуем слуг, — заметила графиня, когда они вышли из зала.

— Я велю её завтра рассчитать, — равнодушно отозвался граф.

— Не нужно. На место девчонки придёт другая, такая же бестолковая. Как видите, — обратилась ко мне леди Фабиана, сокрушенно качая головой, — даже облеченные властью не всегда получают желаемое... хотя кому, как не вам, это знать. Как это, должно быть, *досадно* держать в руках такую силу и не иметь возможности ею пользоваться... — она злорадно улыбнулась. — Я бы на вашем месте не удержалась.

В этом я почему-то не сомневалась.

— Увы, миледи, сила всегда сопряжена с ограничениями. Тот, кто использует дар ради собственной выгоды, очень скоро лишается его. Природа мудра в своём творчестве.

— Видимо, некоторые *твари* были экспериментальными, — криво ухмыльнулся граф.

Графиня, которая уже поднялась было из-за стола, отшвырнула салфетку.

— А знаете, у меня сегодня необычайно весёлое настроение! — злобно сообщила она. Но от звуков её голоса меня вновь невольно пронзил волнующий трепет. — Почему бы нам не устроить небольшой праздник в честь прибытия к нам мисс Кармель?

— Фабиана, тебе лучше пойти к себе, — граф угрожающе поднялся со своего места.

— Что с музыкантами? Почему они затихли? На празднике непременно должна быть музыка! — продолжила графиня, не обращая на него никакого внимания.

Только сейчас я поняла, что музыка действительно прекратилась уже какое-то время назад.

— Хотя к черту их! Они нам не нужны. А вы знаете, мисс Кармель, что я некогда прекрасно музицировала?

Графиня размашисто зашагала к роялю в дальнем конце залы.

— Фабиана, не смей! — прорычал граф.

— Мне даже прочили блестящее будущее. Говорили: у меня *дар*.

Она откинула крышку рояля и, не снимая перчаток, пробежалась пальцами по клавишам. Граф рванул в её сторону. И тут леди Фабиана запела.

Ничего подобного я в жизни не испытывала: моё сердце защемило от восторга, мне хотелось смеяться и плакать одновременно, а ещё подбежать и покрыть поцелуями её тонкие пальцы, и слушать, слушать её голос, отдававшийся во мне волной блаженства. От его звука каждая клеточка моего тела вибрировала.

Граф замер в нескольких шагах от неё и, судя по лицу, переживал схожие эмоции. Его

грудь тяжело вздымалась, саркастичное лицо смягчилось, и даже уши покраснели. А потом он сделал над собой отчаянное усилие, как человек, идущий по колено в бурном потоке. Шаг, ещё один. Наконец он оказался возле графини и вlepил ей пощёчину.

Песня тут же оборвалась, и меня отпустило. Леди Фабиана упала, держась за щеку, на которой остался красный след и даже капельки крови там, где её оцарапал граф: ногти у него были ухоженные и чуть длиннее, чем принято у мужчин. В первую секунду графиня была совершенно ошеломлена, и мне стало почти жаль её. Казалось, она сейчас заплачет. Но она быстро опомнилась, вскочила на ноги и, вздёpнув подбородок, величественно выплыла из зала.

— Ну, а теперь нам осталось уладить кое-какие формальности, — как ни в чём не бывало обернулся ко мне граф. Он по-прежнему тяжело дышал, но лицо уже снова было непроницаемым.

Всё ещё не отойдя от потрясения, я кивнула и последовала за ним.

На краю стола возвышалась конструкция, смутно напоминавшая приспособление для приготовления фондю: тусклая бронзовая чаша на раскидистых ножках, под которой трепыхался огонёк. Под его воздействием вязкая бордовая масса, наполнявшая чашу, тихонько бурлила, словно граф готовил некое кровавое варево.

Сам он сидел за столом, откинувшись на спинку обитого зеленым бархатом кресла. Стоявший позади него мистер Фарроуч угрюмо морщился.

— Сядь, — граф даже не обернулся.

— Благодарю, ваше сиятельство, но это ни к чему, — стиснул зубы тот.

— Я сказал: сядь, — повысил голос граф и добавил уже мягче: — Так мне будет проще общаться с мисс Кармель: чтобы не передавать каждый раз бумаги через голову.

Я понимала, что он лжёт. Мистер Фарроуч понимал, что он лжёт.

Камердинер насупился ещё больше, но подчинился приказу с явным облегчением, отставив ногу немного в сторону.

Кенрик Мортленд протянул мне листки и перо. Я приняла их и, не дожидаясь приглашения, села. В конце концов, будь граф джентльменом, давно бы догадался сам это предложить. Однако отвратительный инцидент с супругой, свидетельницей которого я только что стала, автоматически лишил его права так называться.

— Что это вы делаете, мисс Кармель?

— Читаю договор, милорд.

— Вы... что? — он внезапно откинул голову и расхохотался.

— Тогда верните-ка перо, а то чего доброго внесёте правки.

— В этом нет необходимости, милорд.

— Вы мне не доверяете?

— Нет, милорд. Это не входит в перечень моих обязанностей.

Я потянулась, чтобы поставить свою подпись, но последний пункт заставил меня нахмуриться.

— Милорд, я не знала, что знак принадлежности к дому является необходимым условием.

— Это стандартный договор, — пожал плечами граф.

— Нельзя ли убрать эту строку?

— Это исключено. Нанимая работников, мы тоже идём на определённый риск и хотим быть уверены, что вы не смоек раньше времени, прихватив наши фамильные ложки.

— Однако это является существенным ограничением.

— Пункт всего лишь формальность. Никто не собирается этим злоупотреблять. Знак будет снят по истечении срока действия договора.

Мне это совсем не понравилось, но делать нечего. Немного помедлив, я поставила свою подпись. Едва я сделала последний росчерк, граф вырвал у меня листки и передал их мистеру Фарроучу.

— Чудно. Как видите, ничего страшного не произошло: молния не прорезала небо, а у меня не выросли черные крылья.

Стоило ему это произнести, как за окном послышались отдалённые раскаты грома, будто небо оценило шутку и усмехнулось в ответ.

Граф передвинул давешнюю бурлящую конструкцию в центр. Затем выдвинул ящик рабочего стола и достал оттуда штемпель — похожим мистер Фарроуч только что поставил печать на обоих экземплярах договора. Только у этого приспособления была костяная ручка, а сам он заканчивался стальным узором, очертаниями напоминавшим замок.

— Что здесь? — Я кивнула на перекатывающуюся в чаше отвратительную багровую массу.

— Кровь девственниц.

— Вы шутите.

— Разумеется. Где бы я нашёл её в таком количестве.

Я вспыхнула от этой гадкой шутки.

— Протяните руку.

Послушно закатав рукав я, не без внутреннего трепета, подчинилась.

— Не люблю причинять боль, но таковы правила.

Лжец. Не нравилось бы, перепоручил бы это мистеру Фарроучу, который, похоже, исполнял при нём не только роль камердинера, но и личного помощника и секретаря.

Граф меж тем обмакнул литой рисунок в смесь и тут же прижал к моему запястью с внутренней стороны. Было не просто больно. *Ужасно больно.* И горячо. Я закусила губу, чтобы не закричать.

— Ну, вот и всё.

Запястье немедленно вспухло в том месте, где новый хозяин поставил клеймо. Там теперь красовался смачный ожог, в расплывшихся контурах которого едва угадывался замок. Рисунок начал на глазах темнеть и приобретать четкость. Через минуту там уже красовался тёмно-синий оттиск замка, по краю которого шла изящная надпись: «Собственность Ашеррадена». О варварской процедуре напоминала лишь сохраняющаяся по краям припухлость.

— Я могу идти, милорд?

— Да, на сегодня вы свободны. А с завтрашнего дня приступайте к занятиям. Классная комната уже подготовлена.

— Благодарю, милорд. Доброй ночи.

Я поднялась и направилась к выходу. Свет уже погасили, и в коридоре снова было темно. Меня всё ещё немного трясло, ноги дрожали, а запястье пульсировало от тянущей боли. Сейчас я была не способна даже на такой пустяк, как извлечь энергию из окружающих предметов, чтобы осветить путь. Для этого нужна какая-никакая концентрация, а сегодняшний день полностью меня вымотал. К тому же рядом не было ни единой души, которой я могла бы оказать эту услугу. Я же таковой не считалась.

Пару раз я свернула не туда. Наконец мне удалось отыскать парадную лестницу. Покачиваясь, я сделала несколько шагов вверх.

— Мисс Кармель.

— Ты ещё не спишь, Ярик?

Он стоял у подножия лестницы со свечой в руке.

— Нет, мисс. Вы голодны?

Я благодарно кивнула, забыв, что он не мог меня оттуда видеть. Потом спохватилась:

— Да. Очень голодна.

Лакей тут же очутился возле меня, и я оперлась о предложенную руку.

— Спасибо, Ярик.

— Не стоит благодарности, мисс. Я подумал, что господа могут забыть о такой малости, как покормить вас. Не со зла, конечно. Просто они... мм...

— ...иногда забывают, что мы тоже имеем потребности?

Мальчишка смущенно кивнул.

— Симона приготовила сегодня отменный капустный пирог. Я припрятал для вас кусок.

— Да ты просто ангел, Ярик!

— Нет, мисс, я лакей, — удивлённо отозвался тот, и я чуть не прыснула от смеха.

Очаг и печи в кухне уже погасили, но от их стенок всё ещё исходило тепло. Двух зажжённых свечей вполне хватило, чтобы разглядеть оставленный на столе ужин. Ярик заботливо прикрыл его салфеткой. Когда мы вошли, сидевшая на скамье девушка вскочила, и я узнала нянечку.

— Добрый вечер, мисс Кармель.

— Здравствуй, Беула.

Помимо обещанного куса пирога мне ещё плеснули сидра. Голову, и так кружившуюся от всего пережитого, совсем повело.

— Скоро перестанет болеть.

— А?

Я растерянно перевела взгляд вниз, на запястье. Беула закатала рукав и продемонстрировала точно такой же штемпель, разве что линии были совершенно четкими и никакой опухоли не наблюдалось.

— У меня тоже, — ухмыльнулся Ярик и последовал её примеру. — Да у всех слуг здесь такие.

— Почти у всех... — заметила Беула.

— Поэтому я и сказал: у *слуг*, — возразил мальчишка.

— А как это работает?

Ярик кивнул на стену за моей спиной. Я обернулась и увидела висевшую недалеко от входа дубовую пластину, наподобие той, на которую вешают ключи. Только вместо крючков в неё были вделаны колокольчики. Каждый имел индивидуальную форму, расцветку и, готова поклясться, звучание. Они были изготовлены из самых разных материалов. Были тут и алюминиевые, и простые жестяные, медные, оловянные, латунные и даже большой бронзовый. Внизу шли надписи, две из которых гласили: «Беула» и «Ярик». Я перевела взгляд на последний серебристый колокольчик, покрытый чёрным орнаментом и поблескивающими бериллами. Надпись гласила: «Мисс Аэнора Кармель».

— Когда хозяевам требуется наша помощь, они просто звонят в колокольчик, и у нас начинается...

— ...зудеть рука, — догадалась я.

— Да, — поморщился Ярик, — и тогда лучше пошевеливаться: чем больше медлишь, тем сильнее зудит.

— А... если и вовсе не откликнуться?

Для меня этот вопрос был как нельзя актуален.

— Я как-то раз попыталась, — пожаловалась Беула, — виконт не отпускал. Сказал, хочет поглядеть, что за это сделает маменька. Так я в кровь руку разодрала и всё-таки не утерпела, побежала к миледи. Меня тогда наказали и за медлительность, и за то, что ослушалась виконта.

— Граф обещал, что тут не будет злоупотреблений...

— Ага, как же! — хмыкнул Ярик, и моё сердце неприятно сжалось.

В глубине души я знала это с самого начала.

— Спасибо за пирог, Ярик, Беула. Я сегодня очень устала и хочу подняться к себе.

— Конечно, мисс Кармель, я вас провожу.

— Спасибо, Ярик.

Уже на выходе я вспомнила:

— Беула, мои наряды, как выяснилось, не соответствуют... стандартам Ашеррадена. Где можно заказать одно-два простых серых платья в ближайшее время?

Девушка ответила понимающим взглядом.

— В трёх с небольшим милях отсюда есть деревушка Мист-Хиллз. Спросите тамошнюю портниху, миссис Сьюэлл, она вам поможет. А пока я могу одолжить вам подходящий наряд.

Я от души поблагодарила её.

— Доброй ночи, Беула.

— Доброй ночи, мисс Кармель.

Вопреки всему, я прекрасно выпалась. Нежные золотисто-лиловые блики рассвета ещё теплились на небе, когда я распахнула окно и вдохнула плотный утренний воздух. В комнату тут же ворвался промозглый ветер, а вместе с ним — сладкий запах готовящейся к зиме листвы, оттенённый печальной ноткой осеннего тлена. Я поёжилась, но не стала накидывать шаль.

Из моего окна открывался прекрасный вид на окрестности Ашеррадена. Замок расположился в живописной местности, среди холмов. В отдалении виднелись какие-то развалины, вдоль них вилась серебристым ужом речка. Широкая дорога, по которой я вчера приехала, устремлялась вдаль, за горизонт. А вокруг раскинулись поля и склоны, сплошь заросшие серебристой лапчаткой. От порывов ветра по ней бежала рябь, и мне казалось, что я стою посреди бескрайнего океана из ртути, с вмешанной в него желтой крошкой цветов.

Когда последние теплые мазки на небе потухли, уступив место похожим на грязную волчью шкуру облакам, я захлопнула окно. Мне предстояло много дел.

К тому моменту, когда в дверь постучали, я уже успела привести себя в порядок. За дверью стояла Беула. Девушка принесла опрятное серое платье. Оно оказалось велико, так что пришлось хорошенько подпоясаться.

Спустившись в кухню, я обнаружила, что там уже полным ходом шла работа. Вчера замок показался мне едва ли не пустым, несмотря на доску, увешанную колокольчиками. И только сегодня, когда меня представили всем остальным, я поняла, насколько велик штат прислуги. Одних только кухарок здесь трудилось целых три: старшая, Симона, средних лет и с волосами, похожими на проржавевшую от кухонных испарений проволоку, жизнерадостная хохотушка Иветта и хмурая Кларисс, с по-мужски крупными ладонями и крепким мясистым задом.

Под всеми этими взглядами я почувствовала себя цирковой обезьянкой. Я не привыкла к тому, чтобы меня так пристально разглядывали, а потому испытала облегчение, когда все наконец углубились в завтрак и перемалывание местных сплетен.

— Слышали, говорят, Ваухан собирается пригласить Иззи на субботние танцы, вот смеху-то будет! — трещала Иветта.

— Что же в этом смешного? — отозвался из-за газеты флегматичный старший лакей Вилмот.

— А то, что она косолапая! Да она же ему все ноги отдавит!

— Говоришь так, потому что сама хотела с ним пойти.

— А вот и нет.

— А вот и да.

— А вот и нет! Нужен мне больно овощник, там и смотреть не на что!

Но, судя по обиженно выпяченной нижней губе, комментарий попал в точку.

Я как раз доедала в меру поджаренный тост с ароматным ореховым маслом, когда впервые почувствовала это неприятное жжение. Сперва я даже не обратила на него внимания.

— Мисс Кармель, так вы совсем расчешите. Лучше поторопитесь.

— А? Что?

Я опустила глаза и только тогда поняла, что уже с минуту скоблю ногтями запястье, под

надрывное треньканье серебряного колокольчика.

— Да, спасибо, Ярик. Мне действительно лучше поспешить.

К моему колокольчику вскоре присоединилось множество разноголосых переливов, и служащие Ашеррадена, торопливо закончив трапезу, разбрелись по своим делам.

Рука горела до тех пор, пока я не взбежала по ступеням на второй этаж и не толкнула высокие белые двери. Не знаю наверняка, как работал этот механизм, но ноги буквально сами вынесли меня туда. Я отчего-то точно знала, куда следует идти. Когда я вошла, леди Фабиана отложила колокольчик. Подозреваю, что она непрерывно звонила в него всё это время.

— Наконец-то, мисс Кармель. Если вы каждый раз будете так злоупотреблять завтраком, то скоро придётся перевести вас с третьего этажа на первый — там полы крепче.

— Я думала, что занятия начинаются в восемь тридцать, миледи.

— Совершенно верно. Поднимись вы на двадцать минут позже, непременно опоздали бы.

Я старалась отогнать от себя вновь нахлынувшее вчерашнее чувство.

Она в последний раз демонстративно и с явным удовольствием звякнула в колокольчик. Я стиснула зубы, но удержалась от того, чтобы почесать руку. Я не доставлю ей такого удовольствия. Похоже, графиня отыгрывалась за вчерашнее унижение, свидетельницей которого я стала.

— Что ж, оставляю вас ученикам. И помните: неудачи подопечных — вина наставника.

Когда леди Фабиана вышла из комнаты, я повернулась к детям. Оба ещё явно не отошли ото сна. Леди Эрселла вяло водила цветным мелком по грифельной доске, а виконт остервенело давил пальцем отчаянно жужжащую муху. Никогда не любила унылую обстановку классных комнат. Она навевает мысли об узниках, кидающих тоскливые взгляды на островок свободы за окном.

— Как хорошо, что вы тепло одеты, миледи, милорд. Здешние ветра могут испортить прогулку, если одеться ненадлежащим образом.

Дети одновременно подняли оживившиеся лица.

Я прихватила с собой покрывало, два толстых пледа, а ещё спустилась в кухню, где Симона собрала мне корзину с легким ланчем. Спустя совсем немного времени мы втроём уже поднимались по склону холма к раскинувшемуся на вершине клёну. Оттуда Ашерраден представлял во всём своём блеске.

Я расстелила покрывало под деревом, среди корней. Приготовившаяся к осени трава была покрыта утренней изморозью, похожей на сахарную паутину, и хрустела. Но низко свисавшие ветви и широченный кряжистый ствол надёжно укрывали нас от порывов ветра. Днём в начале октября ещё чувствовались последние отголоски лета, но ранним утром и по вечерам было значительно холоднее.

— А мы с Мэтти всегда занимались в классной комнате. А с вами наша классная комната будет здесь, мисс Кармель?

— Если вы и виконт этого пожелаете, леди Эрселла. До тех пор, пока не надоест или пока не наступят холода.

— А вы нас будете учить тому же, что и Мэтти?

— А чему вас учила Мэтти?

— Как правильно кланяться их императорским величествам и поднимать упавший платок, едва касаясь его, как различать чины по цвету лент, а ещё красиво подавать руку,

когда приглашают на танец.

Девочка вскочила и с комичным жеманством протянула когтистую руку воображаемому кавалеру. Но брат тут же презрительно её оттолкнул.

— Кто тебя пригласит, с такими-то ногтями! Кому охота быть исцарапанным!

Глаза девочки подернулись влагой, но тут же яростно вспыхнули. Она уже раскрыла рот, чтобы ответить маленькому грубияну.

— Ой, мисс Кармель, а как вы это делаете?

На моей ладони трепетал кленовый листок. Прошивающие его прожилки горели багряно-золотистой сеточкой. Подчиняясь моей воле, листок то скручивался, то распрямлялся, то колыхался, танцуя на ладони.

Две пары круглых глаз жадно наблюдали за ожившей травяной звездочкой.

— А откуда вы так умеете? Мэтти нам показывала, но с платком и совсем не так.

— Просто тогда ваши искорки только-только начинали зажигаться, и их силы было недостаточно для начала обучения.

— А только вы так можете?

— Научиться такому может при желании, наличии разрешения и должном усердии любой.

Это была чистая правда. Но детям достаточно показать простейший трюк, чтобы они поверили в волшебство.

— Значит, все умеют, как вы?

— Не совсем. Искорка заложена с рождения в каждом. По достижении определённого возраста, как у вас с виконтом, она начинает гореть. У кого-то сильнее, у кого-то слабее, но она есть у всех. Просто моя горит очень ярко, поэтому я могу учить других разжигать их собственную.

— И как быстро вы нас научите? — вмешался виконт.

В своём воображении он наверняка уже одним пальцем давил сразу дюжину мух новообретённой способностью.

— Понадобится какое-то время.

— Время?

Лицо мальчишки разочарованно вытянулось.

— И зачем нам это нужно? Зачем вы вообще приехали?

— Потому что меня пригласили ваши родители. Они хотят, чтобы вы научились пользоваться тем, что в вас заложено.

Это, конечно, была только одна и отнюдь не главная причина.

— Зачем?

— Чтобы вы смогли в будущем поступить на службу к его и её императорским величествам.

— Зачем?

— Чтобы вы, виконт, сделали хорошую карьеру, а леди Эрселла стала фрейлиной и подыскала себе достойную партию.

— За...

— Да помолчи ты! — ткнула его в бок сестра и обратила ко мне возбуждённо горящие глаза. — Показывайте, мисс Кармель!

Следующие несколько часов я учила их нащупывать энергию материи и по ниточкам вытягивать её наружу. Когда они научатся это делать, то перенаправлять её будет уже гораздо

легче.

Последние минут сорок виконт хныкал, жаловался на усталость и тоскливо обрывал листочки с ближайшей ветки. Зато леди Эрселла старалась изо всех сил, и под конец урока листок на её ладошке шевельнулся, а по прожилкам пробежала едва различимая, но всё же вполне явственная искристая струйка. Девочка, у которой на лбу от усердия выступили капли пота, радостно взвизгнула и закружилась на одной ножке.

— Получилось, получилось!

— Ты сама его сдвинула, я видел!

— Неправда, я не трогала! Ты просто злишься, что у меня получилось, а у тебя нет!

— Лгунья!

Я прекратила их пререкания и повела на обед, не дожидаясь, пока леди Фабиана позвонит в колокольчик.

Внутри я препоручила юных господ заботам Беулы, а сама спустилась в кухню и наскоро согрелась луковым супом под размякшей хлебно-сырной корочкой. Слегка онемевшие от холода пальцы закололо, когда горячая разогнала кровь. Прихватив блюдо с кремовым пирожным и чашку чая, я поднялась с нулевого этажа на первый, прошла в конец коридора и аккуратно нажала на ручку двери.

Там я поставила принесённое с собой на низенький столик, окруженный несколькими креслами и диваном, а сама направилась к дальней стене со стеллажами. Изучив содержимое пары десятков полок, я наконец наткнулась на нужную. Пробежав кончиками пальцев по добротным кожаным корешкам, я выхватила томик «Бестиарий: миф или реальность», затем устроилась поудобнее в кресле, придвинула чашку и приступила к изучению.

— Кхм-кхм, вы правда надеетесь найти там ответ?

Я едва не опрокинула на себя чашку и тут же вскочила.

— Простите, милорд, надеюсь, вы не против, что я воспользовалась библиотекой?

— «Гэллийский рыбак достаёт из сетей белокурую деву», «Повенчанная с озером», «Когда щекотка смертельна»... — продолжил он, заглядывая через моё плечо, — и вы верите, что это имеет какое-то отношение к моей жене?

— С чего вы взяли...

— ...что вы пришли сюда именно из-за неё?

Я промолчала.

— На вашем месте любой *разумный* человек захотел бы найти объяснение природе испытанных вчера чувств. А вы кажетесь мне разумной.

— Я здесь не для того, чтобы прояснить сущность леди Фабианы...

— Естественно, — кивнул граф, — вы ведь это и так уже поняли...

Невероятная догадливость графа стала неприятным сюрпризом. Казалось, он и не нуждался в подтверждении, а читал карту ответов на моём лице.

— ...а значит, вы ищете... противоядие, не так ли?

Я промолчала. Граф удовлетворённо кивнул.

— Его тут нет. Говорю это как человек, изучивший здесь каждую букву.

Оглянувшись на дюжину стеллажей, возвышавшихся от пола до потолка, я оценила упорство графа. А его сильно припекло.

— Не всё так просто, как это описывается в книгах, мисс Кармель.

— Но... я ведь не ошиблась, и леди Фабиана...

— Ну же, скажите это.

— Сирена?

Несмотря на скандальность истории, детали не были доподлинно известны.

— Вы не ошиблись, — невозмутимо подтвердил граф. — Но ваша попытка смехотворна, — он презрительно кивнул на томик в моих руках. — Это всё равно что искать Остров сокровищ по карте из детской книжонки.

— А вы об этом...

— Знал ли я, кто она, когда женился на ней? Разумеется, знал.

— И это вас не остановило?

— Остановило? — удивлённо приподнял брови он. — Да вы расист, дорогуша. Кто бы мог подумать! В следующий раз предупреждайте об этом в резюме.

— Простите, милорд, я совсем не это имела в виду.

Граф неприятно оскалился и неторопливо прошествовал к дивану. Вальяжно расположившись на нём и закинув обе руки на спинку, он принялся бесцеремонно меня изучать. Я же продолжала стоять напротив, прижимая книгу к груди.

— Я женился по любви.

— Разумеется, милорд. По-другому и быть не могло.

— Не нужно говорить об этом с таким понимающим видом, — повысил голос он. — Вы ни черта не знаете!

— Напротив, милорд. Я охотно верю в то, что леди Фабиана умеет *внушать* любовь.

— А вы не слишком-то почтительны. А ещё недоверчивы. Так для чего люди, по-вашему, женятся?

— Чтобы составить хорошую партию.

— И к тому же циничны. А как же светлейшее из чувств? Разве не во имя него благородные лорды совершают подвиги на страницах романа, который вы сейчас читаете и усердно прячете каждый вечер под подушку?

Я вздрогнула. Откуда он знает?

Граф зашёлся от беззвучного смеха.

— Да бросьте, не нужно следить за вами, чтобы знать, какими медовыми пряниками забита голова юных дев. Так почему вы мне не верите? Вы же её видели, вот и скажите: разве можно не любить Фабиану? Вам прежде доводилось видеть столь совершенную оболочку? А её голос...

Его глаза вспыхнули, как у охотника при виде окровавленной лани.

— Видимо, у меня свои представления о проявлениях любви, милорд.

— Ах, вы о вчерашнем... вы любите пирожные, мисс Кармель?

На столике между нами стояла принесённая мною тарелочка, так что вопрос был праздным.

— Да, милорд.

— А какое ваше любимое?

— Эклер с ванильным кремом, милорд.

— А вы могли бы съесть два таких эклера разом?

— Пожалуй...

— А пять?

— Это было бы затруднительно.

— А десять?

— Едва ли это возможно.

— Так вот представьте, мисс Кармель, я тоже очень люблю пирожные — ореховые корзинки, если быть точным. Настолько люблю, что начинаю их есть и уже не могу остановиться: во рту приторно сладко, аж до тошноты, живот скручивает от боли, но я продолжаю через силу запихивать их в себя. Чувство престранное: и сладостно и гадко. Я знаю, что остаток дня мне будет очень плохо, но завтра я пойду за новой порцией. И кто в этом виноват: пирожное, оттого что оно такое заманчивое и хорошо пропеченное, или я, потому что, зная о последствиях, продолжаю его есть?

— Но пирожное не внушает вам привязанность насильно.

— Разве одно мешает другому? Или вы думаете, я не в состоянии отличить истинную привязанность от внушаемой? Уверен, и вы почувствовали вчера разницу. Хотя противиться, признаю, очень трудно. Порой невозможно. Тем не менее несложно определить, где истинное чувство, а где сладостное принуждение. А теперь представьте, что оба ощущения взаимноналожились...

— Тогда я бы возненавидела это пирожное.

— Так, по-вашему, ненависть противоположна любви?

— А разве нет?

— Нет. Равнодушие — вот истинный антипод.

— То есть, пока я здесь, мне придётся любить ореховую корзинку?

— Именно.

— И нет другого выхода?

— Ну, разве что залепить себе уши воском. Потому что заставить корзинку молчать очень проблематично.

Скорее, нереально. А стоит леди Фабиане заговорить, а тем паче запеть, пытаться противиться её чарам — всё равно что дуть на океан в надежде отвести надвигающееся цунами.

— Но вам повезло родиться женщиной. На вас её влияние сродни легкому ветерку, — усмехнулся граф.

— А на вас другое?

— Другое, — уклонился от подробностей он, а расспрашивать было бы неуместно. — Да отложите вы, наконец, эту книгу! Между сиренами и русалками нет ничего общего.

— Разве?

— Да. Хотя многие ошибаются, считая их родственными. Когда-то мы тоже так думали... Знаете, однажды в наши края приехал бродячий цирк. Повсюду были афиши, сулившие зрителям невообразимое морское чудо: русалку. Фабиана загорелась пойти...

— И что же?

— Когда мы вошли в шатёр, нашему взору предстала ванна с формальдегидным раствором, в которой плавал начинающий подгнивать труп обезьяны: к верхней части туловища они леской пришили хвост крупной трески. Личико сморщенное, всё скукоженное и почерневшее — премерзкий уродец. Фабиана тогда очень разозлилась...

Могу себе представить: совершенную Фабиану Мортленд записали в родственницы полуразложившегося примата с рыбьим хвостом.

— Знаете, что она тогда сделала?

— Пожаловалась директору цирка?

— Лучше, — губы графа растянула хищная улыбка, он даже причмокнул. — Она позвала его в шатёр и самым сладким из своих голосов велела ему выпить формальдегид.

Я содрогнулась, не знаю, от чего больше: отвратительного рассказа или плотоядного удовлетворения, сверкнувшего в глазах графа при этом воспоминании.

— И он послушался?

— Вы ведь уже знаете, как убедительна может быть Фабиана. Не просто выпил, ещё и закусил своей русалкой.

— И остался после этого жив? — моё сердце покрылось холодной коркой, а колени начали подрагивать при мысли о том, во что я ввязалась.

— Понятия не имею, — беспечно пожал плечами граф и продолжил уже обычным

тоном: — Когда мы уходили, его всё ещё выворачивало кровью, так что вполне мог и оклематься.

— А что же вы?

— А что я?

— Леди Фабиана — сирена, а потому... не обладает искрой.

— Не человек, вы хотите сказать.

Я кивнула и постаралась, чтобы голос звучал незаинтересованно:

— А в чём была ваша искра?

— Я, знаете ли, всегда был нерадивым ребенком. Гувернантки сменялись так быстро, что я не успевал запоминать их имена. Моя искра так и осталась слабенькой, на троечку.

Говоря это, граф улыбнулся уголком рта (он вообще никогда не улыбался полностью, только одной стороной, отчего улыбка никогда не получалась доброй), и это натолкнуло меня на мысль о том, что он не вполне откровенен.

— Да и это уже в любом случае не имеет никакого значения...

— ...из-за запрета.

— Да, из-за него.

Женившись на представительнице другого вида, Кенрик Мортленд, по нашим законам, совершил кровосмешение. За что указом его императорского величества был пожизненно лишён права пользоваться искрой. Наказание страшное, а будь граф моего вида — наихудшее. Но у дворян искра куда более слабая, чем у гувернёров. Им под силу, развив её, выполнять несложные магические действия. Едва ли это можно назвать полноценной магией. Но приобретаемых в процессе учебы нехитрых навыков вполне достаточно, чтобы поступить на императорскую службу и сделать карьеру при дворе. У каждого дар проявляется со своими нюансами. Итоговый результат зависит от того, сумел ли воспитатель вовремя разглядеть склонность подопечного и усилить то или иное качество, развив его в настоящий талант. У нерадивых учителей подопечные так и остаются середнячками.

Но граф прав: сейчас это уже не имеет значения. Если искрой долго не пользоваться, она уходит внутрь. Не затухает, но как бы костенеет, атрофируется, становится чем-то сродни вросшему волосу: ты его чувствуешь, терзаешься, но выковырить обратно не можешь. Пытаться потом раздуть её — практически безнадёжная затея.

Для таких, как граф, всё это неприятно, но пережить можно. Слугам и простолюдинам и вовсе запрещено развивать искру. Постепенно они привыкают жить с этим неудобством, как можно привыкнуть к хроническому заболеванию. Люди вообще ко всему привыкают.

Но вот с такими, как я, дело обстоит иначе: использовать дар в личных целях мы не можем. Таков природный механизм сдерживания и избежания злоупотреблений. Не пользоваться же ею вовсе — тоже не выход. Это пламя мучит, рвётся наружу, выжигает все внутри — терпеть невозможно. Я слышала о попытках себе подобных бросить вызов обществу, отказавшись от использования дара. Их именуют вырожденцами. Все эти случаи закончились трагически: кто-то наложил на себя руки, кто-то сошёл с ума. Печальный жизненный парадокс: мы не можем игнорировать свою способность без риска для жизни, но использовать её можем только во благо других. Чем люди беззастенчиво и пользуются. Вот почему нам приходится быть теми, кто мы есть, и служить таким, как граф. Хорошо, что в любом договоре всегда есть лазейки.

— Да, но прежде... какая она была?

— А знаете, мисс Кармель, — граф вдруг резко поднялся со своего места и подошёл

вплотную. Мне даже пришлось поднять голову, чтобы смотреть ему в глаза, а не в воротничок, — вы проявляете слишком большой интерес к способностям моей жены... и моим.

Я всей кожей почувствовала исходящее от него напряжение, хотя внешне он, как всегда, оставался лениво-спокойным.

— Простите, милорд. Это было нескромное любопытство. Впредь я не буду забывать о приличиях.

Граф преподавал мне хороший урок. Как бы мне ни хотелось распутать этот клубок как можно скорее, излишняя активность и расспросы новенькой гувернантки не останутся без внимания. А моё положение слишком непрочное, чтобы навлекать подозрения.

В нём вдруг что-то поменялось, и поза смягчилась. А то, что за этим последовало, и вовсе стало для меня полной неожиданностью: граф взял мою руку, перевернул запястьем вверх и провёл пальцем по клейму.

— Только не будьте фанатичны. Иногда приличия следует посылать к черту.

Самое постыдное было в том, что я не догадалась вырвать руку. Так и стояла, чувствуя себя кроликом под гипнотическим взглядом синеглазого удава. Граф сам выпустил моё запястье и, не прощаясь, направился к выходу. Я опомнилась.

— Милорд!

Он замедлил шаг и повернул голову.

— Могу ли я отлучиться на полдня? Мне нужно заказать новое платье.

Он неторопливо окинул мою фигуру оценивающим взглядом, сверху донизу, так что даже по коленкам побежали мурашки. От такого взгляда приличным девушкам полагается падать в обморок. Как досадно, что я не упала!

— Можете быть свободны завтра после обеда. До скорой встречи, малиновка Энн.

И, не оборачиваясь, вышел. А я на нетвёрдых ногах вернулась к стеллажу, поставила книгу на место и твёрдо решила держаться подальше от Кенрика Мортленда.

После окончания рабочего дня, мы уютно устроились в кухне. Вилмот снова углубился в газету, Симона изучала рецепт печеночного суфле для завтрашнего ужина, экономка миссис Меррит вела какие-то подсчёты. Зловещий мистер Бернис не имел обыкновения проводить досуг с остальной прислугой и даже пищу принимал где-то в другом месте. За что я была искренне ему благодарна: в присутствии мрачного дворецкого мне бы кусок в горло не полез. Один раз заглянула камеристка леди Фабианы, Мерфи. Она ничего не принесла, не унесла и не спросила, из чего я сделала вывод, что она пришла поглазеть на меня.

Я же была занята тем, что помешивала мельхиоровой ложечкой чай и поддерживала беззаботный разговор с Иветтой и Беулой. В общем-то разговором это можно было назвать с большой натяжкой. Всё сводилось к безостановочной трескотне Иветты, из которой пока не удалось выудить ничего полезного.

— А Иззи сказала, что зеленые ленты мне никак не пойдут. Вы представляете, чтобы мне — и не пошли! Я ей сказала: как же зелёный может не пойти к тёмным волосам? Представляете, какая глупость, мисс Кармель?

Иветта тряхнула кудряшками, чтобы продемонстрировать всю бредовость подобного утверждения.

— Вот Иззи бы они точно не пошли — с её-то ногами! А вы бы сами надели зеленые ленты на танцы, мисс Кармель? А вы на них пойдёте?

— Право, не знаю, Иветта. Вряд ли.

— Но почему?

— Я только приехала, мне не с кем пойти.

— Мы могли бы пойти все вместе: я с Вауханом, Беула с сыном горшечника, Галеном, а вам бы мы тоже кого-нибудь подыскали! Ну, вот хотя бы Дакса. Он пусть и вдовец, и старый (ему двадцать семь), но зато держит свою мясную лавку. А это что-то да значит.

— Ты забыла, что Ваухан идёт с Иззи? — заметила Беула.

— Это ещё кто сказал?

— Ты же сама и сказала.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Ну, так это не точно! Ну и что, что сказала. Да это же просто смешно! А я знаю, с кем бы Иззи могла пойти на танцы! — Иветта аж вскочила на ноги, давясь от смеха. — Пусть бы она шла с мистером Фарроучем: она косолапая, а он хромой, вот бы пара вышла! Вот была бы умора! — болтушка звонко расхохоталась, но на неё тут же шикнули аж с двух сторон — миссис Меррит и Симона. Она тут же опомнилась и испуганно зажала себе рот ладошками.

— Вот услышит тебя мистер Фарроуч, подстережёт в тёмном коридоре и утащит в своё подземелье!

Иветта посерела и снова опустилась на лавку, кроткая как мышка.

— В подземелье? — заинтересовалась я. — А где оно?

— Доподлинно никому не известно, — доверительным шёпотом сообщила миссис Меррит. — Но место страшное!

— Но там никто из вас не бывал? — на всякий случай уточнила я.

Собеседницы аж отшатнулись от такого предположения, будто я предложила им

присоединиться к пикнику у трансильванского графа.

— Что вы, мисс Кармель! Но у него оно наверняка где-то есть. И даже его комнату вам бы лучше обходить стороной. Там такоооо! — округлила глаза Беула.

— Какое?

Я проникалась всё большим интересом к личности неприветливого камердинера.

— Ну, никто из слуг там не был — он запрещает туда заходить. Даже убивает сам. Нора как-то сказала, что одним глазком видела его комнату, когда он оттуда выходил. И там стояли черепа, висели вороны перья, а на стене какие-то знаки странные...

— А ещё что-нибудь Нора видела?

— Больше ничего не успела: он так на неё зыркнул, что бедняжка на неделю слегла с жаром и сыпью! Это что-то да значит, — многозначительно заключила экономка.

Несомненно. В первую очередь, то, что здешние женщины изнывают от блеклой бессобытийности будней. Виновный едва ли стал бы вывешивать над своим жилищем кровавый флаг. Мой интерес к мистеру Фарроучу поутих.

— Да и хромым он неспроста.

— А что с его ногой?

— О, вот это по-настоящему жуткая история, — подалась вперёд Беула, так что мне пришлось тоже нагнуться, чтобы не упустить ни слова. — Знающие люди говорят, что он собственноручно вырезал здоровущий кусок своей икры в качестве кровавой жертвы, когда не сумел расплатиться с одним черным магом.

— А я слышала, что его застукал ревнивый муж, и ему пришлось прыгать со второго этажа, — встряла миссис Меррит.

— Да нет же, ему ногу прострелили на войне с вырожденцами, — возразила Иветта.

— Ну, хватит уже! — раскатился по кухне страдальческий возглас Вилмота, так что дамы, включая меня, аж подпрыгнули от неожиданности. — Лучше б уши отвалились, чем слушать вашу бестолковую трескотню! Поглядите лучше на мисс Кармель, с её выдержанностью, точно как мисс Матильда!

На кухне тут же стало тихо, да и сам говоривший прикусил язык, будто сообразив, что сболтнул лишнее. Меня аж жаром окатило, но я постаралась принять беспечный вид.

— А кто это: мисс Матильда?

— Прежняя гувернантка, до вас была, — нехотя буркнул Вилмот и тут же спрятался за газетой.

У всех остальных вдруг тоже обнаружились дела.

— Ах да, — беззаботно продолжила я, делая вид, что не замечаю этой внезапной перемены. — Леди Эрселла упоминала про неё... Мэтти, так, кажется?

— Угу.

— Что же, контракт мисс Матильды истёк, и граф решил его не продлевать?

— Видать, решил.

— Жаль, я не успела её застать. Мне бы столько хотелось обсудить с ней касательно занятий миледи и виконта.

Ответом на этот раз была гробовая тишина: похоже, вопросом это не посчитали.

— А не её ли комнату я теперь занимаю?

— Нет. Ту закрыли, и заходить не велели.

Настаивать дальше и выяснять, какая это конкретно комната, было рискованно. И я, легкомысленно пожав плечами, пожелала всем спокойной ночи и поднялась наверх.

Ещё около часа я простояла, прильнув к двери изнутри и прислушиваясь к последним затихающим звукам. Наконец замок погрузился в тишину, и я выскользнула в коридор.

Признаться, разгуливать в одиночку по ночному замку — удовольствие весьма сомнительное. Я начала непосредственно со своего этажа. Сконцентрировавшись, я прощупала внутренним взором пол и стены дюйм за дюймом. Меня обступала крошечная тьма, так что приходилось ориентироваться лишь на собственное чувство пространства — о том, чтобы зажечь лампу, речи не шло. Но каждый раз, прикладывая ладони к отшлифованному камню, я чувствовала в ответ лишь холодную энергию стен и изредка — слабое отражение ранее прошедших по коридору людей. Эти вибрации — каждая со своим оттенком — всё ещё звучали здесь, отскакивая от кладки едва различимым эхом. При желании я могла бы вычленить в этих волнах сущность каждого, определить, кто именно и в котором часу тут побывал. Но того, что мне было нужно, на третьем этаже не оказалось. Я находилась в конце коридора, когда услышала какое-то ворчание, и замерла ни жива ни мертва. Мгновение длиною в вечность стояла гробовая тишина, а потом раздался раскатистый храп, в котором я узнала характерные интонации Симоны. Переведя дух, я спустилась на второй этаж и подобным же образом проверила и его.

Затем перешла на первый. И вот тут я её почувствовала. Сначала одна-единственная, едва различимая капля. Точка на стене, которая пылала так, словно я приложила руку к кипящему чайнику. Чуть сдвинув ладонь, я едва не вскрикнула: заряд, который нащупали пальцы, был столь мощным, что пронзил меня до кончиков пальцев ног. Ощущение было такое, будто я только что погладила чей-то оголённый нерв — колючий, надрывный сгусток страдания. Я отдернула руку и пару минут нелепо дула на пальцы, как если бы и правда обожглась. Немного придя в себя, я приложила к этому месту сразу обе руки и едва не оглохла от чужой боли. Я двигалась вдоль стены, затем ощупывала пол, снова переходила на стену, чувствуя её. Кровь. Незримая для всех остальных, но только не для меня. Казалось, кто-то намеренно разбрызгал её вокруг, залил пол, щедро измазал ею стены. Меня замутило от чужой агонии.

Тьма вокруг меня закружилась в тошнотворном вихре. Испугавшись, что сейчас потеряю сознание, я отняла ладони от стен. От них пахло так, будто я только что сунула руки в распоротое брюхо освежеванного месяц назад кролика. Запах сладкой гнили и тлена. Только почувствовав, как ладони стукнулись о пол, я поняла, что упала на четвереньки. Я принялась ловить ртом воздух, пытаюсь прийти в себя. Я его нашла. Нашла след. Нашупала ниточку, первую неопровержимую улику. В висках стучала маленькая наковальня, а собственное дыхание заглушало мысли. Из-за этой дезориентации я и не услышала шаги вовремя. Когда опомнилась, было слишком поздно.

Прямо перед моим носом вспыхнул яркий свет — всего лишь зажжённая спичка, но после непроглядного мрака мне показалось, что в глаза кинули шаровую молнию.

— Что вы здесь делаете?

Я щурилась, как новорождённый котёнок, безуспешно пытаюсь рассмотреть того, кто ко мне обращался. Наконец узнала голос.

— Мистер Фарроуч, я... я...

Я пыталась собраться с мыслями. Зрение восстановилось, выхватив из темноты его бледное лицо с резкими чертами. В черных, как гнилые ореховые скорлупки, глазах было не различить зрачков, вместо них трепетало отраженное пламя спички. В ответ на моё бессвязное бормотание, эти глаза подозрительно сощурились, а рот сжался в полоску,

похожую на шрам. В этот момент я охотно поверила бы, что он способен вырезать кусок собственной ноги.

— Что вы вынюхивали?

Только тогда я сообразила, что всё ещё стою на коленях, будто пала перед ним ниц. Голова по-прежнему кружилась, но я тут же попыталась подняться на ноги. Когда я отталкивалась от пола, пальцы нащупали в темноте что-то твёрдое. Наконец я встала и протянула ему раскрытую ладонь, на которой поблескивал покрытый скромным узором серебряный шарик.

— Я уронила серёжку...

Мистер Фарроуч даже не взглянул на неё, продолжая буравить меня взглядом.

— Никогда бы не подумал, что серьги можно носить, не прокалывая ушей.

И, прежде чем я нашлась, что ответить, резким взмахом кисти загасил спичку, снова погрузив коридор в темноту.

«Никогда бы не подумала, что мужчина обратит на такое внимание».

Вслушиваясь в его неровные удаляющиеся шаги, я крепко, до боли сжала свою находку. Она смердела кровью так, будто кто-то насильно вырвал её из уха владелицы. Это была не моя серёжка. Но я точно знала, чья она.

Проснувшись наутро, я обнаружила, что лежавший перед камином коврик куда-то пропал. Я не представляла, кому и зачем он мог понадобиться. Сначала в голову пришла мысль о причастности к этому мистера Фарроуча, но я так и не смогла придумать, зачем он ему. Да и представить себе зловещего камердинера, тайком проникающего в мою комнату и покидающего её с ковриком под мышкой, не получалось даже при моём развитом воображении. Я не стала долго ломать голову и остановилась на самом прозаическом, а потому наиболее правдоподобном варианте: его забрали на чистку. И наверняка сделали это ещё вчера, но после пережитого волнения я просто не обратила на такую мелочь внимания. И хватит об этом: сегодня мне предстояли дела куда важнее размышлений о судьбе коврика.

Памятуя о вчерашнем дне, в классную комнату я пришла загодя и остававшееся до урока время ходила из угла в угол, составляя план.

Сегодняшнее занятие мало чем отличалось от вчерашнего. Разве что на этот раз виконт, у которого по-прежнему ничего не получалось, ярился так, что на побелевших глазах выступили злые слезы. Зато его сестра продолжала удивлять.

— Мисс Кармель, поглядите!

На протянутой когтистой ладошке лежал припозднившийся тускло-сиреневый цветок: лепестки скручены от холода, края почернели.

— Уверена, в оранжерее вашего отца найдутся куда более занятные экземпляры, леди Эр... — я осеклась, потому что цветок еле заметно вздрогнул, лепестки начали один за другим распрямляться, а жухлые края посветлели, сделавшись нежно-лиловыми.

Я искренне изумилась.

— Bravo, миледи! Но на этом лучше на сегодня закончить. Вы, без сомнения, утомились, отдав ему часть своей энергии.

Девочка зарделась от этой похвалы и тут же протянула мне другую руку.

— Я не свою! — пояснила она.

На раскрытой ладошке лежал кленовый листик. Точнее, его остов: ажурная угольная пыль в форме звездочки. Набежавший в этот момент ветерок тут же смахнул её и развеял черным призраком.

Я была действительно впечатлена: она не просто извлекла жизненную силу из одного вещества, но сама, без моей подсказки, передала её другому. Это уже следующая ступень. Девочка двигалась семимильными шагами.

— Без сомнения, родители будут гордиться вашими успехами, миледи.

Леди Эрселла открыла рот, но ответить так ничего и не успела.

— Не будут, никогда не будут! Она нас позорит, уродина! — завизжал виконт, вцепился ей в волосы и, прежде чем я успела его остановить, потащил сестру вниз по склону. Опомнившись, я бросилась на выручку. Но тут мальчишка завопил, выпустил свою добычу и закрутился волчком, охая и дуя на правую руку.

— Она меня изуродовала! Гляньте: она хочет, чтобы я стал таким же чудовищем, как она! — голосил он, потрясая кистью, на тыльной стороне которой отчетливым полукругом проступали ранки от острых зубов.

Я взяла его руку в свою.

— Ничего страшного, виконт. Вот видите, всё уже прошло.

Я смахнула капельки крови. На месте затянувшихся ранок уже нарастала новая блестящая кожица.

— Как будто ничего и не было! Вам лучше?

— Ничего не лучше! Всё ещё ужасно больно и плохо! — продолжал выть пышущий здоровьем виконт, которому я только что передала немалый кусок себя.

— Где она? Эй, зверушка!

Я тоже заозиралась по сторонам и похолодела: леди Эрселлы нигде не было. Всё пространство вокруг нас прекрасно обозревалось, но девочка исчезла.

В этот момент что-то щелкнуло виконта по носу.

— Ай! А ну слезай!

Я задрала голову и вздохнула с облегчением, обнаружив леди Эрселлу на ветке, в нескольких метрах у нас над головой. Следующий камешек просвистел в паре дюймов от левого уха мальчишки. Виконт схватился за могучий ствол, будто в надежде стряхнуть таким образом сестру.

— Миледи, немедленно спускайтесь!

— Он первый начал.

— Это неважно. Леди не подобает так себя вести.

— А вы будете на меня сердиться?

— Обязательно буду, если вы сейчас же не спуститесь.

— Пусть он отойдёт.

— Виконт, прошу вас.

Хулиган в последний раз стукнул кулаком по стволу и сделал пару шагов назад.

— Прошу вас, миледи, будьте осторожны.

Должно быть, со стороны зрелище было престранное: леди Эрселла в своём нежно-голубом, утопающем в оборочках платье устремилась вниз, ловко перебирая руками и цепляясь за шершавую кору коготками проворнее любой обезьянки. Вскоре она уже стояла на земле, рядом со мной.

— Я не ожидала подобного от такой воспитанной барышни, как вы.

Я всё ещё не отошла от пережитого волнения.

— Простите, мисс Кармель, — даже кудряшки на опущенной головке виновато поникли, — вы ведь не скажете маменьке?

— Не скажу. Но это было в первый и последний раз.

Повернувшись, чтобы направиться к замку, я заметила злорадную ухмылку на лице виконта.

После обеда я поднялась в свою комнату и прихватила шляпку, фланелевые перчатки и выдавший виды ридикюль, куда положила вчерашнюю находку. Я уже успела выйти за ворота, когда вновь почувствовала унижительный призыв. Стиснув зубы, повернула обратно.

Спустя пять минут я уже стояла перед леди Фабианой, которая вполне могла сойти за богиню грома и молний: глаза гневно горят, волосы развеваются, хотя ветра в комнате нет.

— Как вы посмели так пренебречь своими обязанностями! — вышагивала она передо мной, меряя комнату идеально вылепленными ногами.

Я подавила знакомую волну тёплого трепета от её голоса.

— Я прилагаю все усилия к тому, чтобы исправно их выполнять, миледи.

Она резко остановилась и придвинула ко мне лицо.

— Не смейте мне лгать, — прошипела она. — Я вижу вас насквозь. Вы намеренно

игнорируете моего сына, сосредоточивая всё внимание на *другой* ученице.

Если не знать заранее, то и не догадаешься, что она говорит о дочери.

— Я поровну делю своё внимание между учениками, не отдавая никому предпочтения, миледи.

— Вы это делаете из зависти, — продолжила она, пропуская мои слова мимо ушей. — Мой мальчик необычайно талантлив и старателен, и его ждёт блестящее будущее, в то время как всё, что вам остаётся, это до конца дней наблюдать из своей конуры за успехами учеников.

Я вспыхнула от ярости, но в последний момент сдержалась: нельзя допустить, чтобы меня сейчас вышвырнули из замка. Может, именно этого она и хочет? Спровоцировать меня? Я стиснула зубы и промолчала. На лице леди Фабианы проступило разочарование, что ещё больше утвердило меня в этой догадке. Не понимаю, чем я ей так не нравлюсь.

Она наконец отодвинулась от меня.

— Завтра вплотную займётесь моим сыном.

— Хорошо, миледи. Я сделаю всё возможное, чтобы виконт и леди Эрселла смогли в ближайшее время порадовать вас своими успехами.

— Вы что, не слышали меня? Я велела сосредоточить всё внимание на *виконте*.

— Но как же...

— Моя дочь наказана, — отрезала графиня. — За своё безобразное поведение.

— Простите, миледи, но вынуждена сказать, что не леди Эрселла затеяла...

— Она чуть не выбила глаз моему сыну, — взвилась графиня. — И, если вы ещё не научились отращивать новые, советую делать то, за что вам платят, а не поощрять всё худшее в моих детях.

Сбегая по ступеням, я чувствовала, как меня трясёт от возмущения. К гневу примешивалась печаль, при мысли о том, как расстроится девочка из-за прекращения занятий. Как ни странно, я начала к ней привязываться.

Но сейчас нужно было поторапливаться, чтобы успеть к ужину: я задержалась у графини куда дольше, чем предполагала.

Я вышагивала по дорожке к воротам, когда моё внимание привлекли какой-то невнятный клекот и хлопанье. Они доносились со стороны кустов шиповника, за которыми, как я знала, раскинулся небольшой сад. Я собиралась пройти мимо, но звук повторился. И на этот раз я вполне отчётливо различила полупридушенное карканье. Решив, что птица могла запутаться в ветвях, я свернула с дороги и направилась на звук. Сад был выполнен в форме лабиринта: тропинка петляла концентрическими кругами, а в центре располагалась небольшая площадка с оранжереей — я видела её из своего окна. Чтобы не тратить время на петляние, я решила идти напрямую, через кусты. Решение оказалось не самым мудрым: пару раз колючки едва не разорвали подол, шляпка сбилась набок, а в растрепавшихся волосах застряли листья. Я уже хотела оставить эту затею и повернуть обратно, но карканье внезапно раздалось совсем близко. Я отвела от лица последнюю узловатую ветвь, и моим глазам открылась площадка перед оранжереей.

Птица лежала на земле и в последних обессиленных судорогах била крылом. Второе было сломано и блестело от крови. Из обоих глаз торчали соломинки. Всё вокруг было усеяно перьями, они кружились в воздухе, похожие на большие черные снежинки. Над умирающей птицей, спиной ко мне, стоял мистер Фарроуч, что-то сжимая в руках. Что именно это было, я увидела секунду спустя, потому что он сделал короткий замах и

перерубил ей шею лопатой. Острый край прошёл насквозь и застрял в земле. Я успела зажать себе рот руками, прежде чем вырвавшийся крик известил бы палача о моём присутствии. Но при этом я всё же задела куст, и он издал предательский шорох.

Спина камердинера дёрнулась. Он резко развернулся, не успев поменять выражение лица: глаза яростно пылают, губы кривятся. Я едва успела отпрянуть в тень кустов. Черные дыры, служившие этому страшному человеку зеркалом души, ощупали то место, где я только что стояла: там ещё покачивались ветви. Он сделал движение в мою сторону, и меня охватил липкий ужас при мысли о том, что он сейчас подойдёт, отодвинет листву и обнаружит меня, сжавшуюся в комочек. Но, как видно, любое лишнее движение доставляло ему боль, потому что, постояв так ещё какое-то время, он поморщился, отвернулся и принялся копать яму. Острие лопаты, вымазанное птичьей кровью и облепленное сломанными перьями, успело несколько раз с хрустом войти в мерзлую землю, прежде чем я опомнилась и, осторожно пятясь, покинула это место.

Отойдя на безопасное расстояние, я развернулась и бросилась бежать напролом, прямо сквозь кусты. Когда я выбежала на дорожку, сердце всё ещё бешено колотилось. Даже не знаю, почему я так сильно испугалась. Единственное, что я твёрдо знала: ни за что на свете я не хотела бы ещё раз оказаться в самом сердце лабиринта наедине с мистером Фарроучем и его лопатой.

Более не мешкая, я отправилась в путь. Заблудиться я не боялась: в деревню вела одна дорога. По моим расчётам, путь должен был занять чуть больше часа. Я прошла около трети дороги, когда позади раздался стук копыт — меня быстро нагонял всадник. Я посторонилась, чтобы он мог спокойно проехать, после чего собиралась продолжить путь. Но, когда он со мной поравнялся, я почувствовала, как на талии сомкнулись чьи-то сильные руки, а в следующий миг мои ноги оторвались от земли. Всё произошло настолько быстро, что я не успела даже испугаться, не говоря уже о том, чтобы возмутиться. И вот я уже сидела в седле, тесно прижатая к груди графа Мортленда. Он даже не остановился — так и подхватил меня поперёк туловища на ходу. Бок теперь кололо, шляпка съехала на глаза.

— Немедленно отпустите меня! Слышите?!

— При всём желании не смог бы отлепить ваши ручки, — раздался над ухом насмешливый голос, и от его горячего дыхания против воли снова побежали мурашки.

Это была чистая правда: я впервые оказалась верхом на лошади, а потому вцепилась в него мертвой хваткой. Прежде, глядя со стороны, никогда не задумывалась, насколько это страшно: земля трясётся где-то далеко внизу, из-под копыт во все стороны летят комья земли, а прямо подо мной беснуется дикий зверь. Правда, граф, надо сказать, весьма ловко управлялся с животным, которое казалось мне ни много ни мало воплощением неуправляемой стихии.

— Сейчас же остановите его, или я спрыгну на ходу!

Он только теснее прижал меня к себе.

— Ну-ну, я всего лишь хотел скрасить ваш утомительный путь.

— Сердечным приступом?

— Признайтесь: вам это нравится.

— Что именно: похищение или запугивание?

— Ощущение дикой свободы, скорости, ветра. Поглядите!

Я проследила взглядом за его рукой. В вышине, прямо над нами, парил сокол. В этот момент птица спикировала вниз, затем, в каком-то метре от земли, плавно развернулась и снова начала набирать высоту. Солнце блестело в перьях, раскинутые крылья вбирали в себя ветер. Казалось, она купается в невидимых небесных волнах. Из раскрывшегося клюва вырвался крик, будто гимн радости полёта. Лошадь перешла с рыси на галоп, тряска закончилась, и теперь мы неслись вперёд огромными скачками. Ветер гудел в ушах, сердце под рукой Кенрика Мортленда стучало, словно такая же птица билась и внутри меня, стремясь вырваться наружу и присоединиться к той, что была в небе. Я поняла, о чём он говорил, — чувство и правда пьянящее. Пару минут я так ехала, бездумно подставляя лицо струям солнца и ветра и напрочь забыв о своём намерении держаться подальше от графа. Да и как бы я это сейчас сделала? Мне не хотелось ни о чём тревожиться: ни о своём положении, ни о подстерегающих трудностях, ни о том, что клубок, который я взялась распутывать, начинал всё больше походить на моток нечесаной пряжи.

Слетевшая шляпка вернула меня с небес на землю.

— Милорд, моя шляпка!

— Туда ей и дорога! В ней вы выглядите так, будто сунули голову в кастрюлю.

Я рассердилась: неужели так необходимо напоминать мне о том, что мои наряды убоги,

положение бесправно, а внешность просто оскорбительна на фоне сияющих совершенств сладкоголосой хозяйки Ашеррадена?

— Предпочитаю ходить в кастрюле, как то предписывается правилами общества, к коему я принадлежу.

Граф передёрнул плечами, но, к счастью, внял настоянию. Послушный твёрдой руке, конь мягко развернулся и поскакал обратно. Шляпка зацепилась за придорожный куст. Риска свернуть себе шею, всадник на полном ходу нагнулся и подхватил её. Потом отряхнул и протянул мне.

— Благодарю.

— Не стоит.

— И буду крайне признательна, если вы остановите коня и поможете мне спуститься.

Последнее не было пустым кокетством. Я действительно нуждалась в его помощи. Граф легко прыгнул на землю и одной рукой обнял меня за талию. Я почему-то испугалась, что он сейчас снова прижмёт меня к себе. Но он лишь ссадил меня на дорогу и вернулся в седло. Я с досадой поймала себя на легком разочаровании. Поистине женская душа потёмки, даже для нас самих. Я полагала, что он сейчас развернёт коня и поскачет обратно, но вместо этого он перебросил хлыст в другую руку, с явным намерением продолжить путь.

— Возвращение не входит в ваши планы, милорд?

— Разумеется, входит. Но не в ближайшие.

Отвечая, он уже смотрел куда-то вперёд, на дорогу, явно потеряв ко мне интерес. Мне подумалось, что он едет в город, за развлечениями и *пирожными*. И я тут же разозлилась на себя: и с чего я вообще решила, что он собрался на конную прогулку из-за меня? Я просто подвернулась по дороге.

— Благодарю, что подвезли.

— Дальше вы справитесь сами, до деревни рукой подать, — равнодушно отозвался он. — Пусть пришлют счет за платья. И... можете прикупить себе ещё пару-тройку кастрюль. Я аж вспыхнула от этого унижительного замечания.

— Вы очень добры, милорд, но меня вполне устраивает эта, — процедила я.

Он хмыкнул и замахнулся хлыстом, чтобы подстегнуть коня.

— Милорд, сегодня я стала свидетельницей... странной сцены.

— Неужели? Симона перепутала винный соус с устричным?

— Более странной.

— Скоро вы поймёте, что ничего более странного быть не может. Если это случится, стены Ашеррадена рухнут.

Тут он был прав: не далее как этим утром кухарку едва не разбил паралич, когда Иветта перепутала указанную в рецепте чайную ложку соли с черпаком.

— Это касается мистера Фарроуча...

Я внимательно следила за его реакцией, но такой резкой перемены не ожидала. Улыбка тут же сбежала с его лица, прихватив благодушие. Между бровями пролегли две вертикальные складки.

— На первых порах Равен действительно может производить странное впечатление. Вы скоро привыкнете.

— Дело не во внешнем впечатлении, милорд, а...

— *Что* бы он ни делал, на то есть *причины*. Не трогайте его.

— Но, милорд, он...

— Никогда, слышите, мисс Кармель, *никогда* не трогайте Фарроуча! Даже близко к нему не подходите.

Я поразилась грубости его тона.

— Мне приятно, милорд, что вы так заботитесь обо мне, но...

— Я забочусь вовсе не о вас, — холодно оборвал меня граф. — А потом, даже не попрощавшись, пришпорил коня, так что на лоснящемся боку осталась отметина. Через минуту он уже скрылся далеко впереди, в клубах дорожной пыли.

Кажется, я нащупала какую-то невидимую черту. Или перешла её?

Я вдруг вспомнила отталкивающее удовольствие, с которым граф вчера рассказывал мне о милых шалостях своей супруги, и с запозданием поняла, что история невинно убиенной птицы могла показаться здесь странной только мне. И что я надеялась прочесть в его лице? Но всё же я узнала кое-что важное: очевидно, есть нечто, что связывает хозяина замка и нелюдимо мистера Фарроуча. Похоже, скромной ролью камердинера его положение в этом доме не ограничивается. Впрочем, я и так это подозревала. Ещё рано делать выводы, но, судя по всему, Кенрик Мортленд прекрасно осведомлён о жестоких привычках своего слуги. Я чувствовала, что этих двоих что-то объединяет. Что-то такое, что устанавливает между людьми особенную связь, незримую нить — такое, например, как общая тайна. Я пока не знаю, что это, но непременно выясню.

Найти портниху не составило никакого труда. Первый же человек, к которому я обратилась — полноватый мужчина средних лет в потёртом зелёном жилете, — указал мне дорогу.

Миссис Сьюэлл оказалась крохотной седовласой дамой, с идеально гладким пучком на затылке и в сиреневом платье с расширяющейся книзу юбкой. В нём она была похожа на колокольчик или маленькую швейную фею, порхавшую вокруг меня с ножницами и мерной лентой. Рядом с ней я, не отличавшаяся высоким ростом, казалась себе дылдой. Как же она поступает, когда сюда приходят джентльмены на голову, а то и две выше меня, такие, например, как встреченный мною местный житель или Кенрик Мортленд? Впрочем, мысль о том, что граф стал бы посещать деревенскую портниху, была абсурдной. Он, разумеется, заказывает себе костюмы в столице. Даже не так: скорее, столичная модистка сама приезжает в Ашерраден. Я снова перевела взгляд вниз, на миссис Сьюэлл, и вдруг представила, как эта крохотная леди придвигает скамеечку и встаёт на неё, чтобы достать до рослого клиента.

— Ну, вот и всё, мисс, — сказала она, удовлетворённо сдвигая изящные овальные очки на кончик носа. — Мерки сняты, осталось только подобрать цвет и материю. Как насчёт канареечного или лазурного? Они вам очень пойдут.

— Благодарю, миссис Сьюэлл, но я хотела бы чего-то менее броского. К примеру, коричневое или серое.

— Вы уверены? Вчера как раз привезли отличный малиновый отрез, он бы оттенил ваши щечки, — она потянулась ко мне своей крохотной ручкой, будто собиралась ущипнуть за вышеупомянутую часть лица, но в последний момент передумала.

— Уверена, — вздохнула я.

Не так часто мне приходится обзаводиться новыми нарядами, и мысль о том, что даже в эти редкие минуты моё мнение ничего не значит, меня расстроила.

— Ну, тогда подождите здесь.

Дама исчезла в подсобке и вскоре вернулась со стопкой рулонов.

— Как насчёт этого? Серый оттенок, как вы и просили, — с надеждой протянула она.

— Без блесков, миссис Сьюэлл. Что-нибудь поскромнее.

— Ах, дитя, и почему вы так комплексуете по поводу своей внешности? Да и нарядное платье только украшает девушку.

Я пропустила мимо ушей её сетования.

— Вот эта, — уверенно указала я на ткань цвета больной мыши.

— Что ж, я берегла её для штор в подсобке, но если вы настаиваете...

— Да, это именно то, что нужно, — кивнула я. — И ещё вот та, глиняная.

Я покинула лавку миссис Сьюэлл, на вывеске которой красовалась гигантская шпилька и изящные серебристые ножницы, оставив заказ на пошив двух платьев. Выбранные мною цвета и материи были премерзкими. Уверена, леди Фабиана останется довольна.

Следующей остановкой стала лавка ювелира. Я вошла внутрь, приблизилась к прилавку из полированного дуба и нажала на установленный там клаксон. Высокий резкий звук прорезал тишину и эхом рассыпался о стены. На призыв из глубины лавки вынырнул сам хозяин. Мы оба застыли, удивленные повторной встречей.

— И снова добрый день, мисс, — поприветствовал меня давешний джентльмен, подсказавший дорогу к портнихе. — Чем обязан, мисс...

— ...Кармель. Аэнора Кармель.

Он пожал мою протянутую руку.

— Гранд Чэттер, рад знакомству. Так чем обязан, мисс Кармель?

— Я бы хотела, чтобы вы взглянули на одну вещь.

Щелкнув застежками ридикюля, я извлекла оттуда серёжку.

— Вы видели её раньше?

Мистер Чэттер установил монокль и потянулся к моей ладони, но на полпути замер, и вежливый интерес на его лице уступил место непроницаемому выражению.

— Никогда прежде её не видел, мисс.

— Может быть, вы посмотрите внимательнее?

Я была уверена, что он солгал. Иначе как объяснить внезапную перемену в его лице и тоне?

— В этом нет нужды. У меня прекрасное зрение и профессиональная память. Если бы я видел её прежде, запомнил бы.

— Очень жаль.

— И мне жаль, что ничем не смог помочь.

— Она принадлежала одной моей знакомой. Очень хорошей знакомой.

— Видимо, она не слишком ценила эту вещь, раз так легко с ней рассталась.

Я вздрогнула, вспомнив про кровь на серёжке.

— Уверена, ей это нелегко далось.

— Что ж, мне жаль, но я ничего не могу прибавить к тому, что уже сказал. А теперь прошу меня извинить, мисс, много дел.

Он развернулся, чтобы уйти, но тут же споткнулся о дорожку, которая непостижимым образом и весьма некстати вздыбилась волной. Чертыхнувшись, мистер Чэттер повторил попытку, и с тем же результатом. Потом попытался обойти её, но косяк двери был столь невежлив, что двинул его в лоб, опустившись так низко, что теперь в заднюю комнату мог пройти разве что ребенок. Я невозмутимо наблюдала за его маневрами. Всё это я делала не ради себя, а потому ограничений не налагалось.

Наконец мистер Чэттер осознал тщетность своих попыток и обернул ко мне красное злое лицо. Даже кончики его слегка оттопыренных ушей алели, а усы щетинились от возмущения, как у моржа.

— Кто вы, мисс?

— Я новая гувернантка в Ашеррадене.

Похоже, это его мало удивило. Он кивнул, будто именно такого ответа и ждал.

— Здесь вам не замок, а я не ваш ученик. Так что вам нужно?

— Я уже вам сказала, зачем я здесь. Простите мою чрезмерную назойливость и напор. Некоторым извинением мне служит лишь горячее желание узнать правду. Так не могли бы вы ещё раз, более внимательно взглянуть на эту серёжку?

Крякнув, мистер Чэттер вперевалочку направился обратно к прилавку. На этот раз дорожка вела себя учтиво и не пыталась ему помешать, напротив, расстилалась услужливым полотном. Но в тот момент, когда ювелир снова оказался рядом со мной, дверь распахнулась, и в лавку вошла молоденькая девушка, в переднике, с простоватым, но добрым лицом и гладко зачесанными за уши волосами. К бедру она прижимала корзину, из которой торчала

бутыль и тянуло запахом снеди. Следом, прежде чем дверь успела захлопнуться, в лавку юркнула девочка лет двенадцати, в нечистом латаном-перелатаном платице и с растрепанными волосами.

— Я же сказал: впервые её вижу, — быстро ответил торговец, и я с досадой поняла, что неожиданное вторжение всё испортило. — Иззи, что ты тут делаешь? А ну-ка возвращайся на работу.

Я с любопытством воззрилась на девушку, чьим именем прожужжала нам все уши Иветта. Пока она шла в нашу сторону, я отметила легкую лопухость, ничуть её не портившую, и манеру подворачивать носки немного внутрь при ходьбе. Прослеживалось явное фамильное сходство с моим собеседником. Девушка была совершенно обычной, и даже дурнушкой по сравнению с Иветтой.

— Как это что, папенька? — наивно отозвалась она, плюхнув корзину на прилавок прямо перед его носом. — Я же каждый день приношу вам обед в этот час.

— Уже подошло время? — делано вскинул брови ювелир. — А я и не приметил. Спасибо, милая, а теперь поторопись обратно, пока миссис Боттл тебя нехватила.

— Да она же сама и отпускает меня к вам.

Я улыбнулась крутившейся рядом девчушке, на которую никто не обращал внимания. Она сперва смутилась, а потом улыбнулась мне в ответ, продемонстрировав трогательную щербинку.

В этот момент дверь снова распахнулась, и в лавку, слегка пригнув голову, вошёл крепкий молодой человек. Закатанные по локоть рукава обнажали мускулистые загорелые руки. Да и вообще вся его кожа казалась припорошенной золотистым песком. Широкий нос и голубые глаза, весело выглядывавшие из-под кепки, довершали картину. Весь он просто дышал деревенским простором. При взгляде на него мне сразу представилось парное молоко, свежескошенная трава и закат над речкой — в общем, всё то, чего я отродясь не видела и не пробовала. В руках он держал ящик, доверху набитый репой, картофелем, початками кукурузы и прочими овощами. Наверняка груз был тяжеленным, но он нёс его без малейшего усилия.

— День добрый, мистер Чэттер. Куда поставить?

— Оставь вон в том углу, Ваухан.

Итак, а вот и наш герой. А ситуация-то всё интереснее и интереснее.

— Может, отнести к вам домой? Мне совсем не трудно.

— Не надо. Сам справлюсь.

Меня удивили односложные ответы и граничащий с грубостью тон мистера Чэттера. Особенно учитывая взгляд, которым весёлого и вежливого юношу одаривала Иззи, даже не думая скрываться. Так человек, долго отказывавший себе в булочках, смотрит на свежеиспеченную буханку.

— Мисс, как видите, мне совсем не до того, — обернулся ко мне ювелир. — Я уже сказал, что не видел её прежде. Прощу извинить, но лавка закрывается.

Иззи бросила на меня любопытный взгляд, задержалась на раскрытой ладони, и тут её глаза округлились.

— Зато я видела, папенька, — наивно воскликнула она и потянулась к серёжке. — Кто вы, мисс? Да это же... — она не успела договорить, потому что лицо мистера Чэттера побагровело, как приготовленная к ковке деталь.

— Изабелла Чэттер! — прогремел он. — Вон отсюда! Немедленно возвращайся на

работу. Нет, окорок с элем оставь.

— Но... — на глаза девушки навернулись слезы от несправедливости взбучки. Да ещё в присутствии кавалера и посторонней особы.

— Никаких «но». Сейчас же.

Я перевела взгляд на молодого человека. Кинется утешать? Но он даже не двинулся с места, продолжая смотреть на происходящее со спокойствием человека, чей весёлый нрав не оставляет его ни в какой ситуации.

— В следующий раз даже не подумаю хорошо пропеченный принести! — обиженно бросила Иззи, направляясь к двери.

Мистер Чэттер расстроенно поглядел ей вслед: он явно был не из строгих отцов. Но его лицо тут же сделалось суровым при взгляде на меня.

— Идём, Ваухан, — махнула Иззи. — Миссис Боттл просила ещё батата принести, рагу из него пользуется особым спросом.

— Я сейчас же за ним схожу, мисс Чэттер.

Я оценила почтительность, проявляемую юношей в присутствии отца девушки и незнакомки.

— Постой, дай-ка я пошлю кого-нибудь, — забеспокоился ювелир. — У Ваухана и без того заказов навалом, чтоб по десять раз на дню в таверну бегать.

Иззи, уже стоя на пороге, мстительно улыбнулась.

— Миссис Боттл велела *поторапливаться*. Да и с какой стати кому-то другому этим заниматься? Это его работа.

Потом невинно обернулась к юноше, придерживавшему ей дверь.

— Мне нужно будет разобрать мешки в подсобке. Ты ведь pomoжешь, Ваухан?

— Конечно, мисс Чэттер. С позволения мистера Чэттера, конечно.

Иззи победоносно улыбнулась.

— Чудно. Видишь, он не возражает.

И, прежде чем несчастный отец успел вымолвить хоть слово (а судя по выкатившимся глазам и беззвучно шевелящимся губам, он не мог решить, какое ругательство озвучить первым), выбежала за дверь.

Я приготовилась к тому, что лавина гнева мистера Чэттера сейчас обрушится на всех, кто находился в лавке (а это были я, невинная девочка и незадачливый ухажёр), но этого не произошло.

— Такой смышлёный юноша, как ты, конечно, понимает, что подсобка — последнее место, где ему стоит сегодня оказаться, — угрожающе произнёс хозяин лавки, как только дверь захлопнулась.

Ваухан простодушно пожал плечами, но в глазах плескалось веселье.

— Конечно, мистер Чэттер.

Тут он с любопытством посмотрел на меня.

— Ну, чего тебе ещё? — рявкнул ювелир.

Парень не оскорбился — видимо, уже привык к подобному обращению со стороны отца девушки.

— Ничего. Доброго дня, мистер Чэттер.

— Мне тоже пора. Простите, что отняла у вас столько времени.

Я заторопилась к выходу, ибо нашла замену несговорчивому ювелиру. Кажется, мне срочно нужно подкрепиться: рагу из батата идеально для этого подойдёт.

— Постой-ка!

Я замерла. Интересно, что ещё мистеру Чэттеру понадобилось от Ваухана? Но, обернувшись, я с удивлением поняла, что тот смотрит вовсе не на него.

— Простите, вы это мне?

Хозяин лавки обошёл прилавок и направился ко мне своей переваливающейся походкой. Глаза подозрительно сощурены, руки оправляют жилет.

— Покажи-ка свою сумку!

— Простите, но по какому праву вы обращаетесь...

Не дав мне закончить, он протянул ручищу и схватил мой ридикюль

— Эко вы его набиваете!

— Да как вы смеете... — начала было я, но тут же осеклась, обнаружив, что он прав. Мой ридикюль явно распух с тех пор, как я открывала его четверть часа назад.

— Что тут у нас... ну надо же! Из Ашеррадена, говорите?

Я с изумлением наблюдала, как волосатые пальцы извлекли оттуда четыре брошки, серебряную цепочку и два початка кукурузы. Последние-то и были причиной новообретённых форм.

Не успела я опомниться, как мистер Чэттер грубо схватил меня за локоть.

— А теперь правду! — рявкнул он так, что моя чёлка вздыбилась. — Кто вы? Сначала расспрашиваете, а потом ещё и грабите! Небось подельники где-то поблизости, а? — тряс он меня.

— Н-нет никаких подельников, — лепетала я, болтаясь из стороны в сторону, — это недоразумение.

— Судья растолкует, сколько дают за такие недоразумения. Киран, Даг! — гаркнул он кому-то на улице. — Скорее сюда! Меня грабить пришли!

В лавку тут же ворвались двое: высокий смуглый юноша с бульдожьей челюстью и коренастый крепыш средних лет, с руками как у орангутанга. Судя по решительным лицам, они ожидали застать здесь целую банду.

— Да отпустите же, — попыталась вывернуться я.

— Гляньте, — мистер Чэттер потряс перед их носом кулаком с зажатым добром, — ещё гувернанткой прикинулась! А я и уши развесил, старый олух. Постерегите-ка её, а я схожу за констеблем!

— Да, мистер Чэттер, — отозвался тот, что был постарше.

— Не нужно за ним ходить, — все присутствующие обернулись к выходу. А я и не заметила, что Ваухан всё ещё тут. — Мисс этого не делала.

— Неужели? — прошипел потерпевший. — Тогда кто? Кукурузные феи?

— Нет, мистер Чэттер, — юноша спокойно подошёл к нам. — Эта егоза, — он кивнул на девочку, которая в этот момент пыталась потихоньку улизнуть, — так крутилась, что случайно смахнула их рукавом в сумку мисс.

Девочка тут же побледнела и замерла, обнаружив, что все взгляды направлены на неё.

— Ерунда! — неуверенно отозвался хозяин лавки.

— Я это видел своими глазами минуту назад.

Я тут же поняла по лицу мистера Чэттера: он и сам не верил, что это сделала я, просто очень хотел, чтобы виноватой оказалась неудобная посетительница. Но упорствовать дальше не было смысла.

— Это так, Грета? — сурово обратился он к девочке.

— Да, мистер Чэттер, — пискнула та и побледнела ещё больше. — Я случайно, мистер Чэттер

— Так почему сразу не сказала? — с досадой крикнул он.

— Наверное, боялась, что вы тотчас вытрясете из неё душу и броситесь к констеблю, — подала голос я. — Вы позволите?

Я выдернула руку и забрала у него ридикюль.

— Благодарю, мистер...

— Просто Ваухан.

— Благодарю за помощь... Ваухан.

Я обернулась и сухо кивнула хозяину лавки.

— Если на этом всё и меня больше ни в чём не обвиняют, то мне пора.

— Да, конечно, — промямлил он. — Как видите, произошло недоразумение...

Так и не дождавшись от него вразумительного извинения, я покинула лавку. Меня всё ещё трясло: никогда раньше я не попадала в столь неловкую ситуацию!

Дверь снова хлопнула, и на крыльцо вышел Ваухан, подталкивая перед собой Грету. Едва ступив за порог, она попыталась дать стрекача, но тот схватил её за ухо и оттащил за угол, так, чтобы его не могли слышать оставшиеся внутри.

— Ай-ай, пусти!

— Ты ведь обещала!

— Это в последний раз, обещаю, пусти!

Ваухан вздохнул.

— Опять в последний. Ну что мне с тобой делать?

В этот момент маленькая дикарка изловчилась и укусила его за руку. Юноша рассердился не на шутку и сгреб её в охапку.

— Ну всё, отведу к отцу и расскажу всё как есть.

— Нет-нет, только не к нему! — заверещала несчастная жертва и принялась сучить ногами, упираясь, так что ему пришлось её встряхнуть.

— Что здесь происходит? — вмешалась я.

Ваухан поднял голову и удивился, увидев, что я не ушла.

— Провожу воспитательную работу, мисс Кармель.

Он ещё раз встряхнул девочку, будто в подтверждение своих слов.

— Я занимаюсь воспитанием, но, признаться, с подобными методами сталкиваюсь впервые.

Молодой человек усмехнулся.

— Уверен, ваши ученики не воруют.

Так вот в чём дело.

— Разумеется, нет... — пробормотала я.

— Разумеется. Они из тех, у *кого* воруют.

Мне стало неприятно от обвинения, прозвучавшего в его тоне.

— Не думаю, что стеснённость в средствах — достаточное оправдание для подобных... трюков.

— А что достаточное? Побой пьющего отца и собачий голод — уже лучше? Так достаточно?

Я взглянула на девочку, которая перестала вырываться и глядела куда-то в сторону, высоко задрав подбородок, словно речь шла вовсе не о ней. Только сейчас я заметила сине-

желтые следы на грязной шее, острых ключицах и тощих руках. Я пожалела о том, что влезла не в своё дело. Помочь всем я не в силах.

— Нет, — тихо ответила я. — Природа преступления от этого не меняется. Но, прошу, отпустите её.

— А что мне ещё остаётся? — пожал плечами юноша.

Девочка оживилась. Он тут же посуровел и задрал её лицо кверху, так, что ей нехотя пришлось взглянуть ему в глаза.

— В следующий раз меня рядом может не быть.

Молчание.

— Слышишь?

— Слышу, — буркнула та.

— Обещаешь?

— Нет, — отвела глаза преступница. — Не хочу тебе врать.

— Ну попадись мне ещё!

Он выпустил её и напоследок снабдил подзатыльником. Но я успела заметить, как при этом он сунул ей что-то в руки. Отбежав, та остановилась на безопасном расстоянии, сжимая в грязном кулаке яблоко. Девочка помедлила, будто хотела что-то сказать.

— Ну, чего ещё? — нарочито грубо крикнул он. — Вали уже давай!

Та демонстративно отвернулась и двинулась прочь с неспешностью царственной особы.

Он поймал мой взгляд.

— Хотите ещё в чём-то обвинить?

— Нет, просто ещё раз поблагодарить. И заодно поинтересоваться, почему...

— ...почему эти вещи оказались в вашей сумке?

Я кивнула.

— Так проще отвести от себя подозрение, на случай, если пропажу обнаружат. А если б не хватились, спокойно вытащить их позже из вашей сумки.

— Ясно. Что ж, впредь буду осторожнее.

— Вы уж постарайтесь, — широко улыбнулся он.

— Ну, мне пора.

— Да, мне тоже, — спохватился он.

— Всего доброго, Ваухан.

Я протянула руку.

— А вашего имени я не знаю.

— Энн, — сказала вдруг я, хотя собиралась представиться, как обычно.

— Вы ведь из Ашеррадена?

— Да...

— Тогда до скорого, Энн.

И он пожал мне руку.

Один раз я всё-таки не удержалась и оглянулась. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как клетчатая рубаша мелькнула за углом одного из домов.

Прелесть деревни в том, что отыскать нужного человека здесь очень легко. Когда я пришла в таверну, там было ещё не так много народу. Иззи увидела меня сразу и, конечно, поняла, что явилась я не за кружкой пива.

— Рагу, пожалуйста.

— Батат закончился.

— Ну, тогда, будьте добры, яблочный пирог и чай.

— Яблочного нет, есть сливовый.

— Сливовый вполне подойдёт, благодарю.

— Сейчас будет.

Пока ждала, я чувствовала на себе взгляды. Впрочем, это было всего лишь любопытство к новому в этих краях человеку. Угрозу я бы почувствовала. Но всё же вздохнула с облегчением, когда девушка вернулась с моим заказом.

— У вас есть минутка, мисс Чэттер?

— Ни одной свободной, мисс. Работы тьма, — она кивнула на зал, который, как назло, был полупустым.

Я поняла, что она передумала откровенничать.

— Я не отниму много времени, — заверила я. — Просто прошу вас сказать то, что собирались, когда нас прервали.

Она с недоверием оглядела меня.

— Кто вы, мисс?

— Я новая гувернантка в замке.

— Откуда у вас эта серёжка?

— Я нашла её там, где ей быть не следовало. И, боюсь, особа, которой она принадлежала, рассталась с ней не по доброй воле.

При этих словах Иззи побледнела.

— Поверьте, Изабелла, это не праздное любопытство, — я решила быть с ней откровенной насколько могла, в надежде на ответную честность. — Упомянутая особа мне очень дорога. И я чувствую, что вам она также не безразлична. Скажите, вы ведь знаете Матильду Лежер?

Минуту Иззи поколебалась, а потом кивнула, решительно села напротив меня и понизила голос:

— Мэтти моя подруга. Я сразу узнала её серёжку.

Моё сердце подскочило от радости, но тут же упало при следующих её словах:

— Скажите, мисс, где она?

— Как раз это я и хочу выяснить. Последнюю весточку я получила от неё около месяца назад. И, хоть она не сказала об этом напрямую, я почувствовала сквозившее в письме беспокойство, несвойственное Матильде. А вскоре узнала, что в Ашеррадене снова требуется гувернантка.

Я не упомянула ещё об одном письме, пришедшем две недели назад и якобы написанным Матильдой. В нём она просила меня приехать. Но в искаженном почерке с трудом угадывалось сходство с рукой моей лучшей подруги. Писала явно не она.

— Да, Мэтти всегда была весёлой!

Мне не понравилось слово «была», но я не стала её поправлять. Увы, слово «легкомысленная» больше подходит к характеру Матильды. Её всегда отличали беззаботный нрав и излишняя доверчивость. Будучи безобиднейшим существом, она отказывалась замечать плохое в других.

— Ты так недоверчива, Энни, — корила меня она, — что видишь в людях одни недостатки.

— А ты одариваешь их несуществующими достоинствами.

— А иначе страшно жить! — смеялась она и пожимала плечами. — Всё равно как бабочкам на кончике языка у лягушки! — и принималась кружиться, и впрямь похожая в своём воздушном малиновом платице на хрупкую бабочку.

Я отогнала воспоминания и вновь сосредоточилась на собеседнице.

— Скажите, Изабелла, когда вы видели Мэтти в последний раз?

Та на секунду задумалась.

— Вот месяц назад и видела.

— Я так и думала. Она приходила сюда?

— Да, она всегда сама сюда приходила. Я в замок не совалась, тамошние господа этого не любят.

С легкостью могу себе это представить. Наверняка леди Фабиана предпочитает быть окруженной лишь самым утонченным обществом.

— У Мэтти были в деревне недоброжелатели?

Иzzi аж фыркнула от подобного предположения.

— Все, кто её знал, очень её любили. Ну вы и сами знаете, мисс: на неё невозможно долго сердиться, сущее дитя. Бывало, поссоримся, а она возьмёт меня за руку и так заглядывает в глаза и строит такие уморительные рожи, что дуться дальше просто нет никакой возможности.

— Может, были те, кто завидовал?

— Не думаю... Знаете, красивым девушкам, таким, как она... — тут Иззи, покраснев, потупилась, и я поняла, что себя она к этой категории не причисляет, — всегда завидуют. Но она никогда не кичилась, не задирала нос и будто вовсе не замечала взглядов парней. И оттого завидовать ей было как-то неловко...

Я оценила откровенность девушки. Нелегко иметь в подругах ту, кто всегда будет тебя затмевать.

— Тогда, может быть, она рассказывала про кого-то в замке?

— Да, рассказывала.

— Что-то нехорошее? — встрепелась я.

— Нет, напротив. Мэтти никогда ни о ком не говорила плохо. Рассказывала, что к ней все очень добры.

— И даже хозяйка?

— Про миледи Мэтти говорила мало и сдержанно.

Причина была мне ясна: Матильда не умеет отзываться о людях дурно. И если хорошего о человеке сказать нечего, то скорее будет просто молчать или тут же придумает ему кучу оправданий.

— Но мне кажется, что она её жалела.

— Жалела леди Фабиану? — я не смогла скрыть удивления.

— Да, говорила, что порой сама наша природа делает нас несчастными, и оттого мы

злимся на других.

— Что это значит?

— Понятия не имею, мисс.

— А говорила ещё про кого-нибудь конкретно?

— Да, у неё кто-то был там, в замке, но она никогда не называла имя.

— Это невозможно... здесь больше нет никого нашего вида!

— Вам виднее, мисс.

Я смешалась, осознав, что только что отчертила границу между собой и собеседницей, а заодно — и всей деревней. К тому же это звучало несколько фальшиво, учитывая историю моих нынешних работодателей. Их подобная несовместимость ничуть не смутила. Но в такие моменты люди не думают о последствиях.

Лучшее средство против неловкости — это сделать вид, что ничего не произошло. Поэтому я просто продолжила:

— Почему вы решили, что у Мэтти кто-то был?

— Ну, у неё, бывало, проскальзывали слова... и глаза горели, ну, знаете, как это бывает...

Я кивнула, сделав вид, что знаю, как это бывает.

— ...и серёжки подарил ей тоже он.

— Она сама сказала? — быстро переспросила я.

— Нет, но я догадалась. Она просто как-то раз пришла в них и потом всегда в них приходила. И даже головой чаще вертела — ей нравилось, как они звенят. Но в последнее время она была сама не своя.

— Она кого-то боялась? — догадалась я.

— Думаю, да. Но она не признавалась, только всё отшучивалась. А сама беспокойная и как будто даже виноватая.

— И в последний раз так было?

— Да, мы с ней тогда сидели, как сейчас с вами. Она даже сидела на том же месте, что и вы...

Я тут же заёрзала.

— ...бледнее обычного и какая-то исхудавшая, а потом...

— Что потом? — не вытерпела я.

— ...а потом она ушла, ни с кем не попрощавшись, и вот уже месяц её никто не видел. Я даже решила пойти в замок (папенька как узнал, очень ругался), но меня и на порог не пустили. Сказали, что Мэтти уехала. Куда — никто не знает. Но я сразу поняла: что-то тут нечисто. Она бы непременно мне сказала, если бы решила уехать.

Теперь мне стало ясно, почему мистер Чэттер был против нашего с Иззи разговора. Близкая подруга его дочери ни с того ни с сего исчезает, а все делают вид, что ничего не произошло. Более того, стараются как можно скорее изгладить её из памяти, тут же приглашая новую гувернантку. Если подобное может произойти с такой, как Мэтти, то чего уж говорить о простой деревенской девушке.

Вообще говоря, в своих письмах Матильда не выделяла кого-то из подруг. Но в этом её отличительная черта: она со всеми так приветлива, что каждый чувствует себя особенным и уже через пять минут после начала знакомства воображает себя её лучшим другом.

— Скажите, мисс, она ведь жива? — прервала мои размышления Иззи.

— Да, — ответила я, запнувшись.

За прошедший месяц я и сама уже тысячу раз задавала себе этот вопрос.

— Откуда вы знаете?

— Просто знаю и всё.

— Вы ведь её найдёте? Найдёте нашу Мэтти? — девушка взволнованно схватила мои руки и сжала.

— В этом можете не сомневаться, — заверила я с мрачной решимостью и на этот раз безо всяких колебаний.

— Тебе за чесание языком платят? — на стол между нами шваркнулись две кружки, и мы с Иззи тут же отпрянули друг от друга.

Передо мной, уперев руки в бока, стояла приземистая и немного вульгарная женщина лет сорока пяти. Явно красавица в юности, она не забыла своих привычек: тугие, как кочаны капусты, груди обтягивала кофточка, более уместная на молодой девушке. В упругих кудряшках алела лента.

Она сверлила меня неприязненным взглядом, и я было решила, что реплика предназначалась мне. Но тут Иззи поспешно вскочила со своего места:

— Простите, миссис Боттл, я присела всего на минутку.

— Видела я твою минутку, — сварливо перебила та. — Посетители за эту минутку едва с голоду не перемерли. Марш за заказами!

Иззи послушно убежала, а хозяйка таверны (в том, что это она, я теперь не сомневалась) холодно оглядела меня с головы до ног.

— Вам ещё что-то нужно?

— Нет-нет, благодарю, я как раз заканчивала ужин, — я демонстративно отхлебнула давно остывший чай. — И не сердитесь на Иззи, это я её задержала.

— Вот и зря. Нечего отвлекать работников!

— Тебе досаждают, Бэль? — прогрохотал гулкий бас.

Я оглянулась и увидела на пороге двух давешних громил из лавки.

— Всё в порядке, Даг, — голосок миссис Боттл потек сиропом, преобразившись до неузнаваемости. — Вот, знакочилась с новой леди.

Коренастый Даг одарил меня недружелюбным взглядом.

— Скоро освободишься?

— Садись, сейчас всё принесу. Тебе как обычно?

— Да, ты уж меня знаешь, красавица, — мужчина расплылся в добродушной улыбке, предназначавшейся прелестнице. Потом в последний раз зыркнул на меня и занял место рядом с младшим товарищем. Наверняка ему хотелось, чтоб я выкинула какую-нибудь штуку, а он мог проявить себя героем и спасти трактирную нимфу. Я его разочаровала, спокойно выдержав взгляд

Миссис Боттл снова повернулась ко мне, уже без улыбки.

— Вот что, мисс, — она выставила вперёд палец, — не вздумайте ни во что впутывать Иззи. Эта дурёха и сама не заметит, как вляпается.

— У меня и в мыслях этого не было.

— Вот и славно.

Она фальшиво улыбнулась, но я по глазам видела, что она мне не поверила.

— Здесь у меня только едят и пьют, а потом *сразу* уходят — чтоб освободить место другим.

— Таверны именно для этого и предназначены, — согласно кивнула я.

— Ну, где ты, Бэль? — взревел нетерпеливый ухажёр.

— Иду-иду, — крикнула она тоненьким голоском, не поворачивая головы и не отводя от меня мрачного взгляда. И уже обычным голосом подвела жирную черту под нашим разговором: — Хорошо, что мы поняли друг друга, мисс. Доброго вечера.

Она отвернулась и, неторопливо покачивая бедрами, направилась к Дагу.

— Всё-всё, уже лечу, — игриво пропела она.

Для вида ковырнув пару раз пирог, я поднялась и поспешила к выходу. Даже не оборачиваясь, я знала, что за мной наблюдают. Заведомая враждебность местных жителей стала для меня неприятным сюрпризом. Как и излишняя настороженность. Но что за этим скрывается: опасение за свои жизни или желание навредить мне? Мне предстояло это выяснить.

Снаружи я наткнулась на быстро сгущавшиеся сумерки и поняла, что не успею в замок до темноты. Мне стало не по себе при мысли, что придется идти одной через безмолвные поля. На горизонте теплились последние отблески, но совсем скоро они уступят место ночи. Оставалась слабая надежда, что выглянет луна. Но, судя по быстро вспухавшим тучам, и на это рассчитывать особо не приходилось.

Позади слышались весёлые голоса посетителей таверны, окна гостеприимно светились. А впереди ждали тишина, сумерки и ни души. Я всё топталась на крыльце. Может, заночевать в деревне? Но обратиться к незнакомым людям с просьбой пустить на ночлег было для меня невыносимо, а денег на постоялый двор я не взяла. Да и что скажут в замке, если я вернусь только под утро? Тут слева послышался шорох, и я различила какую-то тень. В горле встал комок. За мной наблюдают?

— Кто здесь? Выйдите, пожалуйста, на свет, — мой голос предательски дрожал.

Тень послушалась.

— Любуетесь закатом? — услышала я знакомые улыбающиеся интонации и увидела перед собой Ваухана. — Простите, не хотел вас напугать.

— Тогда вам следовало сразу обозначить своё присутствие.

— Да я только что подошёл, — он махнул на тропинку позади себя.

— Зачем вы здесь? — я и сама понимала, что вопрос звучит грубо, но мне отчего-то почудилось, что он поджидал меня здесь.

— Выполняю свою работу — принёс заказ.

Только после этого я заметила, что он держит в руках ящик, и вспомнила про злосчастный батат. Мне стало ужасно неловко.

— Простите, — я поспешно посторонилась, освобождая проход, — не буду вас задерживать.

Он шагнул на крыльцо.

— Я думал, вы уже вернулись в замок.

— Нет, пришлось задержаться. Я... заходила перекусить и сейчас как раз собиралась в обратный путь.

Он взглянул на небо.

— Поздненько уже для подобных прогулок.

— Да, вы правы, я слегка припозднилась, и теперь лучше поторапливаться.

— Я вас провожу, — просто предложил он.

— Право, не нужно, — пробормотала я. — Я вам благодарна, но не стоит из-за меня пускаться в такой путь на ночь глядя. До Ашеррадена больше часа ходьбы, и столько же отнимет обратная дорога.

— Ерунда. Я люблю ночные прогулки, — он добродушно пожал плечами. — Бояться мне здесь нечего. Да и вам вообще-то тоже. Просто не хочу, чтобы вам было неприятно возвращаться одной.

— Если вас это действительно не затруднит... — признаться, я испытала облегчение при мысли о провожатом.

— Нисколько, постоит минутку, я отнесу, — он кивнул на свой ящик, — или, если хотите, захватим батат с собой. В случае опасности, я буду держать, а вы кидать им в

нападающих.

Я смутилась, поняв, что он меня поддразнивает.

— Думаю, миссис Боттл вам этого не простит.

— Ну, тогда решено: отнесу ей, — весело подытожил он, распахнул дверь ногой и шагнул в таверну.

Вернулся он очень быстро. Ещё какой-то посетитель вышел на крыльцо и покосился на нас. Ваухан с ним поздоровался, и мы отправились в путь.

— Разве вам не нужно помогать мисс Чэттер с мешками в подсобке?

— Не думаю, что это хорошая мысль, — серьёзно ответил он.

— Простите мою бестактность.

— Какую бестактность? — искренне удивился он.

— Неважно. В любом случае, надеюсь, ваша девушка не возражает, что вы по-дружески меня провожаете.

— Моя девушка? — недоумённо нахмурился он.

Мне хотелось поскорее завершить неловкий разговор, который я сама же и начала.

— Я хотела сказать, мисс Чэттер.

— Так вы об Иззи! — рассмеялся Ваухан. — Она хорошая, но мы с ней просто приятели.

Я промолчала. Юноша и не догадывался, сколько планов строилось относительно его приятельства.

— Ясно.

— Так вы, значит, новая гувернантка?

— Да, я прибыла на днях.

— Та, что была до вас, Матильда, была очень приятной. Часто приходила в деревню — они с с Иззи дружили. Но уехала она, даже не попрощавшись.

Я искоса глянула на него, пытаюсь понять, не прячется ли что-то за этими словами, но встретила прямодушный взгляд.

— А вы с ней были хорошо знакомы?

— Да не очень. Общались, когда она приходила.

Я поймала себя на том, что просто беседую: на меня не глядят, как на зверушку, не просят показать, на что я способна, не смотрят свысока или так, будто я в любой момент могу взлететь. Он даже не спросил меня то, что все спрашивают в первую очередь: в чём моя искра.

— Ну и как вам работа: ученики слушаются? Простите, но вы не похожи на ту, кто может быть строгой.

— Строгость нужна тогда, когда не найден подход.

— Я слышал, к некоторым титулованным пакостникам его непросто найти.

Я поняла, что он намекает на виконта, и с трудом подавила улыбку.

— Любая работа имеет свои недостатки. Жить в замке и учить детей графа ещё не самый худший вариант.

При упоминании графа, юноша вдруг напрягся.

— Он ужасный человек. Считает, что всё здесь принадлежит ему, — в глазах Ваухана вспыхнула злоба, которую я до этого момента не подмечала. — Он и к людям относится, как к вещам.

— Ну, могу вас уверить, что я *не* его вещь.

— Разве? — усмехнулся он и кинул выразительный взгляд на моё запястье.

Я безотчетным движением натянула рукав, чтобы скрыть знак.

— Это всего лишь одно из условий контракта. Его уберут по истечении срока.

— А до тех пор будете носить клеймо.

Мне стало не по себе от его раздражения. В такой реакции было что-то личное. Но внезапная вспышка так же быстро уступила место привычному благодушию.

— Простите, не знаю, как вырвалось. Не хотел обидеть.

— Всё в порядке, вы не обидели.

Луна выглянула из-за туч и подсвечивала нам дорогу. К вечеру стало совсем зябко, так что я поплотнее запахнула плащ. Ещё совсем недавно всё, чего я хотела, это поскорее вернуться в замок. Но теперь мне вдруг расхотелось торопиться. Холодный ночной ветер доносил до нас горьковато-сладкие ароматы припозднившихся полевых цветов и стрекотание насекомых. Камешки мерно шуршали под ногами. Я украдкой разглядывала своего спутника: его профиль четко выделялся на фоне тёмно-фиолетового неба и был похож на один из тех теневых портретов, что умельцы вырезают прямо при вас на ярмарках. Размашистый шаг, ровное дыхание и белеющие в темноте зубы, когда он говорил со мной. Чуть выющиеся волосы были светлыми, и в лунном свете можно было разглядеть каждый волосок.

— Осторожнее, Энн!

Заглядевшись на своего провожатого, я услышала предупреждающий крик, только когда поняла, что куда-то лечу: мысок зацепился за невидимую в темноте корягу. Внутренне сжавшись, я приготовилась к удару, но его не последовало. В последний момент вокруг меня стальным кольцом сомкнулись теплые руки, перехватив поперек туловища.

— Спасибо, — только и смогла выдать я, когда дыхание восстановилось. — Теперь можете меня выпустить.

Он послушно разомкнул объятия.

— Вы в порядке? Сильно ушиблись?

— Вовсе нет, — солгала я.

Правую ногу саднило, но я слишком злилась на себя за неловкость.

— Да у вас кровь.

— Что? А, да это пустяки.

На шерстяном чулке, повыше лодыжки, проступило черное влажное пятно.

— Совсем не пустяки, надо промыть рану, идёмте.

Он потянул меня на обочину.

— Куда мы?

— Здесь совсем рядом речка, оботрём вашу рану.

— Право же, рана — это громко сказано... — отозвалась я, но послушно последовала за ним.

Мы остановились возле крутого спуска. Внизу извивалась быстрая речка, которую я видела из своего окна. Вода вязко поблескивала в темноте, отчего казалось, что русло наполнено толченым графитом, смешанным с маслом. На другом берегу, полускрытые дымкой, виднелись очертания: то ли развалины, то ли сваленные в кучу глыбы. Чуть дальше поместилась небольшая часовенка. По земле стелились клубы молочного пара, в которых отчётливо проступали надгробия.

— Что это?

— Старая часовня и кладбище, — ответил Ваухан, подавая мне руку. — Они здесь с самого основания замка, построены ещё при первом графе. Но тут уже давно не хоронят и

службы не проводятся. Мы ходим в свою деревенскую церковь.

Он спокойно ориентировался в темноте, ни разу не споткнувшись и даже не оступившись. Я же осторожно семенила следом, периодически опираясь на предложенную руку.

— А что за каменная композиция рядом с часовней?

— Вы про ту группу?

— Да.

Мы уже преодолели спуск, и теперь от темной воды нас отделяло всего несколько шагов.

— О, конечно, вы же не знаете эту легенду.

— Легенду?

— Присядьте вот тут, — он помог мне опуститься на большой плоский камень, — я вам её расскажу, пока будете промывать рану.

Он быстро нарвал пучок травы и направился к воде, чтобы смочить его. Я тем временем осторожно сняла туфлю и приспустила чулок, что было непросто — ткань успела присохнуть к ранке.

— Держите.

Я поспешно опустила подол и взяла траву.

— Благодарю.

Ваухан отвернулся, чтобы я могла спокойно обтереть рану. Теперь он стоял лицом к камням на том берегу, от которых нас отделял черный поток.

— Присмотритесь, — подал голос он, — вы ничего в них не различаете?

Я сделала, как он сказал, но увидела только неотёсанные глыбы, составлявшие нечто, похожее на небольшую скалу.

— Нет, — честно призналась я, — а что это?

— Много веков назад, — неожиданно начал Ваухан, — когда край выглядел ещё совсем по-другому, первый граф Ашеррадена прогуливался в этих лугах, осматривая свои владения. Лето выдалось удушливое, пыль забивалась в ноздри, скрипела на зубах, и он решил спуститься к источнику — в те времена он бил на месте этой реки. Пробираясь сквозь кусты, он неожиданно услышал серебристые переливы самого восхитительного смеха на свете. Он даже замер на миг, а потом раздвинул последние ветви. На берегу стояла девушка несказанной красоты. Она казалась сотканной из солнечного света, а от её голоса всё внутри трепетало.

Я зачарованно внимала истории. От безыскусных слов вдруг повеяло первозданным волшебством. И мне, сидящей на холодном камне в промозглой ночи, вдруг ярко представились душный летний день и двое участников тех событий.

— Граф тут же захотел ею обладать, у него и всех его потомков это в крови, — в голосе проступили знакомые нотки едва сдерживаемого гнева, и я удивилась, что эта легенда так трогала Ваухана. Но лица я не видела — он по-прежнему стоял спиной ко мне, не отрывая взгляда от груды камней на другом берегу. — Но та девушка была особенной.

— Кем же она была?

— Феей. Свободолюбивой феей лугов.

— Что она делала возле источника?

— Она ждала там своего возлюбленного — простого деревенского парня, вроде меня, — Ваухан повернулся и лукаво подмигнул.

— И что же граф, решил её завоевать?

— О нет, — лицо рассказчика потемнело, — он и ему подобные просто *берут* то, что приглянулось, не спрашивая разрешения. Топчут, унижают, истребляют красоту.

— Он сделал что-то страшное?

— Самое страшное, что только возможно сделать с феей: лишил её свободы. Силой привёл в своей замок и посадил под замок.

— А её возлюбленный, он не пытался её спасти?

— Ещё как пытался, но где ему тягаться с графом, — вздохнул рассказчик. — Но тот не сумел сломить её волю. И вот однажды ей чудом удалось вырваться из замка. Она бросилась в деревню, к своему возлюбленному...

— ...и они вновь соединились! — взволнованно подхватила я, хоть и знала, что легенды редко заканчиваются счастливо.

— О нет, — подтвердил мои опасения Ваухан, — граф тотчас обнаружил пропажу и бросился в погоню. Видя, что ей не удастся уйти, фея возвала к своему отцу, духу природы. Смерть была для неё желанней плена. Любимый ждал её у источника. И едва они слились в последнем объятии, как граф их настиг. В этот момент её отец внял мольбе и обратил их обоих в камень. Влюблённые так и застыли в вечном объятии, и граф ничего не смог с этим поделать. Позже он возвёл рядом эту часовню.

— Значит, они погибли? — на душе стало печально.

— Погиб только юноша — он-то был простым смертным. А фея до сих пор жива, но заточена в камне. Долгие века она держит в каменных объятиях мертвого возлюбленного. В честь них эти камни получили прозвание «шепчущиеся любовники».

Я вновь, теперь уже внимательнее, вгляделась в природное нагромождение на том берегу. И на этот раз, как мне показалось, различила женские очертания: чувственный изгиб бедра и руку, нежно обвивающую каменную шею. Впрочем, я понимала, что это лишь игра воображения, навеянная романтичным повествованием.

— Жаль, что для них всё закончилось так несправедливо.

— Ещё не закончилось, — мрачно заверил меня собеседник. Его глаза оживлённо блеснули. — По преданию, однажды фея освободится. И, когда это произойдёт, она убьёт графа Ашеррадена — отомстит за любимого.

— Но ведь тот граф уже давно умер, она убьёт невинного! — воскликнула я, позабыв, что это лишь легенда.

— Среди них нет невинных, — отрезал Ваухан, — порочен весь род, произошедший от гнилого семени. Простите, — тут же спохватился он и виновато улыбнулся, — кажется, я вас напугал страшной сказкой на ночь.

Он подошёл ближе.

— Как ваша нога, сможете идти?

— Да, я готова продолжить путь.

Мы вернулись на дорогу, и вскоре впереди проступила громада замка. Тонувшая в черноте и безмолвии, она напоминала могильный холм. Слабый свет трепыхался лишь в одном окне, как наблюдающий глаз. Мне расхотелось туда возвращаться.

В целом, моя сегодняшняя вылазка была удачной: я заказала платье и узнала, что у Мэтти в замке был тайный поклонник — тот, кто подарил ей эти серьги. Разумеется, Иззи ошиблась, предположив, что Матильда отвечала на эти чувства. Её приветливость часто вводит в заблуждение. Но, наряду с ним, похоже, был и тот, кого она боялась. А могло ли это быть одно и то же лицо? Голова шла кругом. Перебирая в уме всех обитателей замка, я

металась от одного к другому. И, по правде говоря, сократить список подозреваемых никак не получалось. Увы, в жизни злодеев распознать куда труднее, чем в романах: они не потирают злобно ручки и не раздражаются дьявольским хохотом, уличающим их злодейскую сущность.

К тому же я чувствовала, что в самих этих стенах таится какое-то необъяснимое зло, будто древнее сооружение было живым организмом, монстром, способным заглотить без остатка. Теперь и меня со всех сторон окутывали его щупальца. Опасность была разлита в воздухе и могла исходить от любого, даже самого безобидного на первый взгляд существа. Я вдруг почувствовала себя крохотной птицей — малиновкой, запутавшейся в смертоносном облаке паутины и слепо мечущейся в ожидании прихода паука.

Ворота были закрыты, но боковая калитка, к счастью, лишь притворена. Я остановилась возле неё и повернулась к своему спутнику.

— Спасибо, что проводили. Признаться, одной мне было бы жутко.

— Не стоит благодарности, я был рад прогулке.

Из-под простой суконной кепки блестели глаза. Мне не хотелось прощаться с Вауханом: рядом с ним было спокойно и тепло. Удивительно, насколько различны человеческие существа, несмотря на общую природу. Между благодушным Вауханом, с его простыми понятиями и ценностями, и надменным, эгоистичным Кенриком Мортлендом не было решительно ничего общего. И тем не менее сердце замирало при мысли о них обоих. Учитывая обстоятельства, я пришла к единственному логичному выводу: мой интерес вызван исключительно желанием докопаться до истины.

— Дорой ночи, Ваухан.

— Доброй ночи, Энн.

Я взялась за ручку калитки, а он вдруг замялся и прочистил горло.

— Энн, хм, в эту субботу у нас в деревне будут танцы. Пойдёте со мной?

От неожиданности я прищемила пальцы дверцей.

— Я... я не думаю, что пойду на танцы. Я и не умею...

— Я тоже, — весело подхватил он, — это же идеально: два неумеющих танцора.

— Простите, думаю, меня не отпустят. Мне уже пора, извините... и ещё раз спасибо, — я забежала в калитку, поспешно притворила её за собой и спряталась в тени кустов.

Ваухан ещё с минуту постоял, глядя мне вслед, а потом развернулся и пошёл обратно в деревню.

Сказать, что мне было стыдно за своё поведение, это ничего не сказать. Щеки горели так, что удивительно, как не вспыхнул соседний куст. Какой неблагодарной я, должно быть, выглядела! Самым горьким было то, что мне ужасно, нестерпимо хотелось ответить согласием. Напомнив себе, что я вовсе не собираюсь задерживаться в этих краях, а кровосмешение запрещено законом, я уныло двинулась по дорожке к дому.

Я даже не успела поднять руку, как дверь сама распахнулась. На пороге стоял мистер Бернис: белые волосы развеваются от ветра, тусклые глаза смотрят сквозь меня.

— Вы ведь не собирались беспокоить хозяев, возвещая весь замок о своём позднем возвращении?

— Простите, меня задержали обстоятельства.

— В следующий раз калитка будет закрыта.

Он отвернулся и направился в дом. Я поспешно юркнула следом и аккуратно притворила дверь.

Я думала, что хозяйева уже давно отужинали, а потому удивилась, услышав в обеденной зале голоса, вернее голос. Дверь была приоткрыта. Леди Фабиана сидела спиной ко мне, а потому не могла меня видеть. Напротив неё на почтительном расстоянии застыл мистер Фарроуч, по обыкновению отставив увечную ногу. Кроме них двоих, там больше никого не было.

— Как всегда, прикрываешь его? — холодный голос графини потёк по залу, и по моему телу побежали знакомые мурашки.

Как это удобно: говоришь любые гадости, а все вокруг млеют от восторга.

— Я не знаю, где он, миледи.

Тут я сообразила, что речь идет о графе. Похоже, он до сих пор не вернулся.

— Зато я знаю, — голос графини зазвенел от бешенства. — Веселится в городе со своими шлюхами!

Мистер Фарроуч промолчал, продолжая глядеть на леди Фабиану — лицо бледное, глаза ничего не выражают.

— Скажи мне, — её голос вдруг сделался мягким и почти нежным, — ты ведь предан нашей семье?

— Это так, миледи.

— Значит, предан и мне?

На лице камердинера, которое я четко видела, отразилось сначала упоение, а следом — мучительная борьба. Чары графини обволакивали разум ядовитым шлейфом, бороться было непросто, но всё же он пытался.

— Да, миледи, — выдохнул он.

— И готов доказать правдивость своих слов?

— Готов...

— Я тебе верю...

На лице слуги отразилось едва сдерживаемое облегчение — как оказалось, преждевременное.

— ...впрочем, последняя маленькая проверка.

Мистер Фарроуч насторожился и пошевелил ногой — ему было неудобно так долго стоять в одном положении. Графиня резко поднялась со своего места, приблизилась к нему и ласково провела ладонью в перчатке по его щеке, отчего в лице камердинера заплескался ужас, а меня прошиб холодный пот. Потом подхватила со стола изящную серебряную вилку, инкрустированную россыпью блестящих камней, и дотронулась кончиками пальцев до каждого зубчика в отдельности. Я не видела её лица, но почему-то отчетливо представила себе её возбуждённо горящие глаза, когда она пропела своим волшебным голосом:

— Если ты мне лжёшь... пусть это будет *адски* больно.

Мистер Фарроуч сделался белее утопленника, углы рта дёрнулись, глаза превратились в чёрные ямы. И, прежде чем я успела сообразить, что она имеет в виду, он выхватил у неё вилку и с размаху всадил в свою больную ногу. Я вскрикнула от ужаса, но мой крик потонул в его болезненном рычании. Он повалился на мраморный пол, хватаясь за ногу и кусая губы до крови, чтобы заглушить рвущийся наружу вой.

Постояв над ним ещё какое-то время, леди Фабиана развернулась к двери. На её губах

змеилась довольная улыбка, от которой меня замутило. Я еле успела отпрянуть от щели и спрятаться в нишу. Она меня не заметила и прошествовала мимо, грациозно держа спину и шурша шелковыми юбками. Едва дождавшись, пока она скроется за поворотом, я бросилась вверх. В спину мне неслись стоны камердинера, так и оставшегося лежать на полу.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы прийти в себя, но перед глазами всё ещё стояло его искажённое лицо и её торжествующая улыбка. Она знала, что он ей лжёт, и прекрасно понимала, что чары не позволят ему послушаться. В действительности адская боль предназначалась вовсе не ему, а графу. Но Кенрик Мортленд не из тех, кто позволит собой командовать. Несмотря на неприязнь и безотчётный страх, которые вызывал у меня мистер Фарроуч, мне стало почти жаль его.

Я так устала, что едва помню, как разделась, рухнула в кровать и забылась сном. Но и тогда я продолжала решать головоломку. В сновидении я шла в классную комнату, чтобы забрать леди Эрселлу и виконта на урок. Я толкнула дверь, шагнула внутрь, но вместо классной комнаты очутилась в садовом лабиринте. Я позвала своих воспитанников, и ответом мне был смех леди Эрселлы.

— Миледи, — позвала я, — виконт, где вы? Пора на занятие!

— Давайте лучше играть, мисс Кармель! Отыщите нас!

— Никаких игр, у нас урок.

[Купить полную версию книги](#)